

18+

Виталий Радченко

АВЕССАЛОМ

ПРОКЛЯТИЕ
ХИРИУШАРА 3

Виталий Радченко
Авессалом-3.
Проклятие Хириушара

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67694855
ISBN 9785005652102*

Аннотация

Анастасия проклята. Ведьма Ратши плетёт интриги, но её условия неприемлемы для Авессалома. Герою приходится искать помощь на «тёмной» стороне. Провинциальный ковен, под предводительством ведьмы Ядвиги соглашается помочь, но что она захочет взамен? Тем временем Кирилл, освободившись из рабства, тут же попадает в другое. Ещё более страшное. А авантюра Плаксы Бо, похоже, пошла в разнос...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Часть вторая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Авессалом-3. Проклятие Хириушара

Виталий Радченко

Дизайнер обложки Катя Кавелелла

Дизайнер обложки Александр Немчинов

© Виталий Радченко, 2022

© Катя Кавелелла, дизайн обложки, 2022

© Александр Немчинов, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-5210-2 (т. 3)

ISBN 978-5-0056-5008-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Ри? Любимый, просыпайся! – звук её голоса звонким колокольчиком прорывается сквозь мутную дымку его сновидений.

Он зарывается глубже в подушки, пытаясь спрятаться, оттянуть момент пробуждения, потом всё-таки откидывает одеяло, моргает, щурясь от яркого солнца, проникшего озорным лучом в окошко их комнаты, трёт веки, которые почему-то тут же начинают адски щипать глаза и, наконец, садится на кровати, улыбаясь во весь рот...

– Кейтель... – Ри потянулся, раскинув руки. – Но ведь ещё так рано...

– Ничего себе, рано! – она села рядом и чмокнула его в нос. – Люди уже с рынка возвращаются. Завтрак давно готов. Если бы ты приходил домой вовремя, как все, то не спал бы чуть ли не до полудня как бродяга.

– Но мои изыскания, Кей, ты же знаешь, как они важны...

– Ни одно изыскание не стоит остывшего завтрака! – она взвизгнула и захохотала, когда он ухватил её за талию и повалил на кровать, покрывая поцелуями лицо и шею. – Тише, тише, дурачок, соседи услышат!

– Да и пускай! – он поцеловал её в губы, но всё-таки отпустил. – Очень скоро нам не придётся беспокоиться о том,

что подумают соседи.

– Ого! – Кейтель села рядом с ним на кровати и пристально посмотрела в глаза, шутливо сдвинув брови. – Неужели ты всё-таки решил пойти в купцы, по примеру братьев? Ладно, ладно, ты же знаешь, я шучу! – она ласково погладила его по щеке. – Прекрати дуться. Конечно же, я верю в то, что твои изыскания принесут нам богатство.

– Я не дююсь, Кей. И я действительно очень близок к успеху. Ты не представляешь! Может быть, даже сегодня мне удастся это! Магия Бессмертных Основателей в месте портала, через который они отправили в Средний мир Ашаи Проклятого, до сих пор невероятно сильна. А в соединении с... тем ингредиентом, о котором я никому, даже тебе, любовь моя, не имею права рассказывать, она может обрести... твёрдое состояние! Ты понимаешь?! Материальное воплощение магии!

– Ри, я боюсь, – она помрачнела. – Все говорят, что это запрещено, что алхимики, которые этим занимаются, сморщиваются как мумии и умирают.

– Мумии? – рассмеялся Ри. – Ты хоть знаешь, что это такое, глупышка?

– Ну, это что-то такое страшное и сморщенное...

– Хо-хо-хе! – он скорчил гримасу, скривил губы, сощурился. – Я страшная и сухая мумия, баловавшаяся с запретной магией! Я приду к тебе ночью и укушу за попку!

– Дурак! – она щёлкнула его по носу и вскочила с кроватки.

ти. – И, кстати, Ри, тебе не помешало бы вымыться – пахнешь как дубильщик!

– Опять эта каша из овса? – он скривился, ковыряясь в тарелке ложкой. – Кей, ну не люблю я её!

– Это очень полезная каша, не капризничай. Даже будущим знаменитым алхимикам нужно питаться правильно, а не грызть чёрствы́е лепёшки всухомятку раз в день. Если не доешь, мне снова придётся отдать твою порцию нищему. Он-то никогда не ворчит по этому поводу, и аппетит у него всегда отменный.

– Не нравится мне этот нищий, – нахмурился Ри. – Глаза у него какие-то нехорошие. Нахальные...

– Ну, человек просто не теряет присутствия духа в любом положении. Да и с чего бы ему горевать, когда он регулярно доедает твою кашу?

– Кей... – он внезапно заговорщицки усмехнулся. – А этой ночью... может быть, «полетаем»?

Она не ответила, глядя на Ри и задумчиво покусывая нижнюю губу.

– Кей, тебе не нравится? – встревожился он. – Тот мир, который мы видели в прошлый раз, разве он не прекрасен?

Она кивнула, улыгнувшись.

– Мало того, Кей, я почти уверен, что он реальный! Представляешь?! Просто мы пока способны попасть в него лишь мысленно. Но мои изыскания... если всё пройдёт удачно, мы

с тобой однажды сможем открыть путь в другие миры! Сможем попасть в них на самом деле!

– Это всё очень странно, Ри...

– Нет, это вовсе не странно! Понимаешь, наши чувства, твоя любовь, она... она словно катализатор алхимического процесса! Сила увеличивается многократно! Я...

– Что? – её брови гневно сдвинулись. – Ката... лизатор?! Как это понимать, Ри Лембран? Мои чувства к тебе – это какой-то там катализатор? Полезная примесь для твоих алхимических декоктов?!

– Кей, погоди! Кей! Ты не так поняла!

– Да уж как мне понять, необразованной? А откуда мне знать, Ри, где ты шляешься по ночам? А вдруг ищешь себе другие... катализаторы?

Он выскочил из-за стола, догнал, обнял её. Кейтель несколько раз сердито уклонилась, но всё же дала себя поцеловать.

– Я всё понимаю, Ри. Но мне не нравится, что мой муж приходит домой глубокой ночью.

– Кей, это временно, обещаю. Четырёхлуние тоже очень важно для изысканий. А денег на собственную лабораторию у меня нет.

– Может быть, попросить у братьев?

Он горько усмехнулся.

– Предпочитаю деньги Наместника...

– Будь осторожнее, Ри, ладно? А что если они узнают про

твои поиски новых миров?

– Всё будет хорошо, Кейтель Лембран!

Ри снова поцеловал жену, и она ответила, прильнув к нему всем телом. Он вновь ощутил тот самый яркий прилив чувств, сопровождающий их брак на протяжении вот уже нескольких лет с самой свадьбы. Её дыхание стало жарким и порывистым. Ри ступил шаг назад, увлекая жену к постели. Все его страхи, связанные со странными звуками тяжёлых сапог, сопровождаемые тонким позвякиванием ключей, которые он слышал в коридорах башни, улетучились. Сейчас были только он и она – Ри и Кейтель. Кейтель и Ри, слившиеся в одно целое.

– Мы всегда будем вместе, да, Кей?

– Мы всегда будем вместе, Ри...

Часть первая

Анастасия

Три секунды. Три коротких мгновения, необходимые сознанию, чтобы проснуться. Три шага над пропастью, с одной стороны которой лучезарная радость и блаженный покой, с другой – гнетущая, всепоглощающая, беспросветная тоска. Яркие обрывки снов, только что будоражившие мой измученный мозг, исчезли словно бабочки, снесённые и смятые безжалостным, неотвратимым катком асфальтоукладчика. Локоть соскользнул с края дивана; я вздрогнул и распахнул глаза, в последний момент удержавшись от того, чтобы замотать головой, отгоняя остатки сна. Я сознательно позволил себе отключиться, понимая, что теряю сознание от усталости. Задуманный план требовал слишком много сил. Нереально много.

В полумраке передо мной сидели две Анастасии. Распущенные чёрные волосы одной свободно спадали по плечам, у второй волосы были собраны в хвост. Грудь той, что сидела справа, вздымалась и опадала заметно чаще. Глаза обеих были закрыты. Чёрные ресницы сидевшей справа девушки слегка подрагивали, словно ей снился тревожный сон. Ресницы сидевшей слева не двигались. Вообще-то ресниц не было видно. Глаза девушки скрывала паутина. Я осторожно по-

вернул голову к стеллажу с оружием. Сосредоточился. А потом «позвал». В этот раз клинок откликнулся сразу, словно ждал мой зов. Острозаточенные грани отозвались едва заметной вибрацией. Девушка справа судорожно вздохнула.

Эснуш. Мать Анастасии, похожая на неё словно отражение в волшебном зеркале безумного мага. Предводительница легионов, заточённая на несколько тысячелетий в статуе уродливой горгульи. Она до сих пор не разговаривала со мной. Впрочем, общения с ней я тоже избегал. Возможно, из-за безумия, полыхающего в её взгляде, а может быть из-за того, что однажды едва не убил её. Дыхание Эснуш вновь стало ровным и глубоким. Я закрыл глаза и снова «позвал». Клинок ожил, просясь в ладонь. Я почти ощущал его радостную готовность убивать. Прекрасно. Но ему придётся подождать. Совсем недолго...

Первый слой, покрывающий лезвие, дался легко. В прошлый раз мне мысленно удалось подчинить себе этот клинок, связанный с Защитницей. Невероятно, но, по-видимому, моя дикая, неистовая сила неофита справилась с узлами, связывающими Анастасию и её клинок. Я сосредоточился и «сорвал» верхний слой, обнажая заигравшие зелёным огнём письмена. Язык Тьмы... Каждый клинок выпускника школы Адамары хранил Силу обеих сторон. Защитники Света, адепты Тьмы, прошедшие семь колец школы имели возможность однажды сменить сторону, и поэтому их оружие было «обоюдоострым»... Ядовитая зелень тут же ра-

достно вспыхнула, стремясь на свободу. Жажда клинка усилилась многократно. Эснуш пошевелилась, повела головой, словно отгоняя проснувшиеся кошмары. Нельзя было медлить ни секунды. Я мысленно коснулся бушующего внутри меня водоворота и, нырнув в омут, вышел из тела. Клинок исторг волну злобы. Тьма ненавидит мое сознание. Я ухмыльнулся (естественно, мысленно). Наша ненависть взаимна! Я, Авессалом Томашевич, Бессмертный медиум, инициированный Ангелом Тьмы. И пусть моё тело отравлено проклятой магией зоргхар – чёрных магов Шьялинура, моего сознания эта грязь не коснулась. А поэтому я ненавижу Тьму всем сердцем.

Я ринулся навстречу туману, окутавшему клинок. Боль обожгла, вонзилась раскалёнными крючьями. Я чувствую боль, даже выйдя из тела, которое судорожно задёргалось на диване. Эснуш вздрогнула, просыпаясь. Время вышло. Я нырнул в туман. Вспышка боли оглушила, измочалив нервные окончания. Я понял, что никогда больше не смогу повторить этого, в следующий раз этот зеленый клубок молний обязательно прикончит моё тело, скребущее сейчас пятками по полу и рвущее ногтями обивку дивана. Молнии взорвались, расплёскиваясь протуберанцами в стороны и разнося стеллаж на куски. Клинок, зависший в воздухе в метре над полом, засветился серебристым – цветом изначальной, первородной Силы.

Я вошёл в тело, безумным усилием справился с болью, но-

ровящей скрутить его в агонии, и выбросил в сторону руку. Клинок, пролетев через всю комнату, лёг в ладонь, исцелил, наполнил тело энергией. Я бросился вперёд, одним ударом отшвырнул преградившую мне путь Эснуш. Анастасия не шевелилась. Её лицо, измождённое и состарившееся за эти дни, не дрогнуло под слоем паутины, закрывающем глаза.

– Я люблю тебя, Настя, – прошептал я.

А потом вонзил клинок ей в живот.

***

Несколькими днями ранее.

Примерно с полчаса он орал на меня так, как невозможно было представить, чтобы кто-то мог на кого-то орать. Вены на его шее вздулись и посинели, капилляры в белках глаз лопались с пугающей скоростью. На губе налип белый, вбитый в пену комок слюны, который успел высохнуть за несколько минут. Когда я указал ему на это, Шамат на мгновение запылся, замолчал, утёрся, а потом... заорал ещё сильнее.

За полчаса до этого я, устав от потока полубезумных вопросов, демонстративно отхлебнул из фляжки лирра и протянул руку, дав понять, что готов показать ему все свои воспоминания о событиях последних дней. Поэт отпрянул от меня так, что едва не сбил с ног Эснуш. А потом стал орать.

Впрочем, я чувствовал это совершенно отчётливо, в эмоциональной волне, исходящей от него, не было ненависти – только злость. Причём, во многом, злость на самого себя. На коже Бессмертного проступал свежий, красноватый загар. От волос Эснуш пахло морем. Ничего удивительного, что влюблённые, не обнаружив никаких следов опасной деятельности гаитянских колдунов, предались блаженному отдыху на пляжах соседней Доминиканы. А Настя так упорно запрещала мне с ними связаться. Послав Лоле, стоявшей за баром, многозначительный взгляд, я «отключился» и снова стал сканировать, сжав в ладонях сюрикен...

В первый раз мы обнаружили Анастасию сразу же. Её след был ярким и чётким. Созданный Шаматом портал ещё даже не перестал трещать в воздухе, как Эснуш нырнула в него, сжимая в руке гладиус. Выпрыгнув вслед за ней с другой стороны, мы оказались в затхлом подвале какой-то заброшенной овощной базы. Защитницы там не было; расшвыряв кучу ветхого вонючего тряпья, мы обнаружили лишь стаю многоножек, излучающих имитацию её ауры – Илона постаралась на славу, запутывая следы. Лола находила всё новые и новые отражения, которые оказывались то роем мух, то паучьим гнездом. Наконец, осознав тщетность попыток найти дочь, Шамат создал портал в призрачный Граффити.

Казалось, повисшее здесь, в копии знаменитого минского клуба напряжение можно было резать ножом. Или мечом. Эснуш крутила ручку гладиуса, уперев его лезвием в сто-

лешницу. Острые с противным хрустом врезалось с каждым оборотом всё глубже и глубже. Лола хмуро косилась на это, но молчала, нервно массируя туловища драконов, вытатуированные у неё на руках. Когда Шамат наконец замолчал, я коротко рассказал обо всём, что случилось, утаив самую малость – то, что по моему мнению, никак не относилось к делу, например, попытки Ратши соблазнить меня. Поэт слушал, играя желваками, Лола тихо шептала что-то на ухо Эснуш, видимо, переводя мой рассказ. Клинок вгрызался в стол, вырезая тонкие деревянные завитушки. Когда я дошёл до встречи с Ратши у Купидона, желваки Шамата раздулись до огромных размеров. Стружки больше не завивались – меч со скрежетом выдирает из столешницы толстые ломти.

– Дальше вы знаете, – закончил я.

Эснуш отложила оружие в сторону. Лола вздохнула. Шамат задумчиво откинулся на стуле.

– Итак, эта твоя Мать ведьм хочет открыть портал.

Я молча кивнул, сделав вид, что не заметил слово «твоя».

– И для этого вы нужны ей оба.

– Так она сказала.

Эснуш что-то тихо прорычала, исподлобья глянув на меня. Я вопросительно взглянул на поэта, но тот не счёл необходимым переводить слова своей возлюбленной.

– А та тварь утверждала во время допроса, что поддерживать портал в действии способна... эмоциональная связь

между двумя людьми, так?

– Илона? Да.

Эснущ снова что-то произнесла, на этот раз громче и ещё более злобно смотря на меня.

Поэт мрачно кивнул головой.

– Что она говорит? – не выдержал я.

– Эта штука, что она тебе дала, – Шамат проигнорировал мой вопрос, – она ещё у тебя?

Я полез в карман и, вытащив зёрнышко, подаренное ведьмой, бросил его на стол.

– Нет, оставь у себя, – он поднялся. – Пригодится, когда она придёт.

Я вновь спрятал подарок Ратши. Шамат прав, ведьма обязательно вернётся.

– Возвращайся в квартиру, – он махнул рукой в сторону стены, активизировав портал. – Лола пойдёт с тобой.

Бровь барменши едва заметно дёрнулась, однако, девушка молча встала и подошла к проявившемуся овалу. Я последовал вслед за ней.

– И без глупостей.

Я зажёл свет на кухне. Лола устроилась на стуле, взобравшись на него с ногами и закурила. Квартира казалась нереально пустой и холодной, несмотря на достаточно тёплый вечер.

– Что собираешься делать? – она глубоко затянулась, гля-

дя на длинную полоску пепла, образовавшуюся на кончике сигареты.

– Глупости, – буркнул я.

Она снова затянулась, огненное колечко сдвинулось ближе к фильтру.

– Лола, я прекрасно понимаю, как это выглядело со стороны.

Она сморщила лоб.

– Да, эта Ратши дважды спасла мне жизнь. И я не знаю, почему. Возможно, это просто какая-то её прихоть.

– Просто? – она протянула руку и стряхнула пепел. – Ну уж нет. Похоже, она права.

– Кто, Ратши?

– Эснуш.

– Эснуш? В смысле? – у меня мелькнула догадка. – Что она тогда сказала?

– Не дословно, но близко к смыслу: в первый раз она сказала, что предпочла бы, чтобы та девка уволокла с собой не Настю, а тебя.

Я скрипнул зубами.

– А во второй?

– После слов про эмоциональную связь?

– Да. Вроде, да!

– Она сказала, что если этой суке так важна ваша с Анастасией эмоциональная... – Лола вдавила окурочек в пепельницу, – ...связь, тогда какого хрена та сука крутила своей

голой задницей перед твоим носом?

Тяжёлая пластина сюррикена холодила ладонь. Смертоносная шестигранная звезда не нагрелась ни на градус, хотя я держал её в руке битый час. Острые лучи постепенно приспособились, нашли такое положение, что я мог сжимать кулак изо всех сил не опасаясь порезаться. Усевшись поудобнее, придав своему телу максимально устойчивое положение, такое, чтобы оно не свалилось на пол, оставшись бесконтрольным, я раз за разом выходил в астрал и сканировал, сканировал, сканировал...

Количество точек, отражающих ауру Анастасии, то росло, напоминая россыпь звёзд Млечного пути в безоблачную ночь, то уменьшалось до нескольких тусклых огоньков. Мой мозг гудел от напряжения, каждый новый «выход» давался всё с бóльшим и бóльшим трудом. Наконец я отложил сюррикен в сторону и просто вышел из тела. Это помогло. Я тут же взбодрился, усталость отступила. Я расслабился и просто стал вспоминать... Нашу первую встречу, когда Защитница, призванная своим отцом, чтобы охранять меня во время подготовки к схватке со зловещим Ангелом Тьмы, едва не сбила меня на мотоцикле (впрочем, конечно же, не сбила бы – узнав Анастасию поближе, я успел оценить её мастерство и специфическую манеру вождения); схватку с демонами, которые прикидываясь командой гандболистов, на полном серьёзе собирались поиграть моей головой вместо

мяча, смертельно опасный бой на мечах с одержимым духом тевтонского рыцаря парнем. Первый, ненастоящий поцелуй Анастасии, с помощью которого она отправила меня на встречу с Лолой. И наш второй поцелуй. На этот раз самый настоящий...

Огоньки вокруг пришли в движение. Вздогнули, словно от невидимой волны, прокатившейся по ним. Края волны изогнулись, как будто... как будто указывая... направление! Я замер. Огни снова ровно мерцали, как светлячки на болоте. Воспоминания! Мне нужны яркие эмоции! И самое яркое из них произошло как раз именно в этой квартире, когда я наконец вспомнил, вернул себе стёртые воспоминания о чувствах к ней! Волна, на этот раз более сильная прокатилась по огонькам, на один короткий миг ярко вспыхнула и тут же погасла далёкая звёздочка. Я с размаху вошёл в собственное тело, которое тут же подпрыгнуло на диване.

– Лола! – заорал я.

***

Вела она ужасно. На то чтобы вкратце объяснить принципы управления «мерседесом» и правила движения хватило и нескольких секунд:

«Правая педаль – едешь, левая – останавливаешься; красный свет – левая педаль, зелёный – правая; держись правой стороны дороги, не сбивай людей и не врежься в другие ма-

шины».

Спустя несколько минут мы уже неслись по Минску, а я, закрыв глаза и абстрагировавшись от возмущённых сигналов остальных, использующих более подробные инструкции по управлению транспортом участников движения, указывал ей направление. Минут через двадцать мы выскочили из города. «Мерседес» мерно гудел. Лола практически перестала материться. Звёздочка, указавшая мне путь, больше не вспыхивала, но я точно зафиксировал её местоположение в своей «астральной» системе координат. По моей команде Лола свернула вправо, кое-как справилась с заносом, выскочив с шоссе на гравийку, выровняла автомобиль, умудряясь достаточно плавно объезжать колдобины. Я приоткрыл глаза – мы неслись по просёлочной дороге сквозь лес. Глаза Лолы сверкали, ноздри хищно раздувались. Засунув руки в карманы, я ощупал запас ножей и сюрикенов, прихваченный мной со стеллажа Анастасии, поправил тесак, торчащий сзади за ремнём. Ей не нравилось, когда я прикасался к её оружию... Что ж, возможно, однажды я обзаведусь собственным. А пока...

– Лола, здесь налево. Так. Остановись и выключи свет. Что? Да вот тут щёлкнуть нужно... Глуши мотор. Тут нажми...

Она потянулась к ручке на дверце, но я удержал её за руку.

– Лола, нужно, чтобы ты вызвала его сюда.

– Какого хрена?! Я пойду с тобой!

– Ты не боец, Лола.

– Дьявол... А ты?

...тело сделало все само. Глаза периферийным зрением уловили движение, правая рука взметнулась, предплечьем подбив пистолет вверх. Грянул выстрел, пуля, срикошетив, дважды прошила натяжной потолок и засела в стене, выбив кусок штукатурки. Я крутанулся, одним движением выхватывая левой рукой из кармана нож, пальцами правой руки схватил его за запястье и резко ударил об колено, выбив пистолет. Шамат застыл не дыша.

– Чудеса... Он и вправду все вспомнил, – он покосился на Анастасию. – Даже то, чего не знал...

– Найди мне его... – я выскочил из машины и бросился в лес.

Сухая ветка громко хрустнула под ногой, и я замер. Огляделся. В просвете между листвой виднелись очертания зданий. Что-то напоминающее школу или (судя по тому, что это было в лесу) летний лагерь. В темноте стены строений казались мрачными и зловещими. Фонари на тротуарах, окружающих здания не горели, голосов или какого-то другого шума, выдающего населённое людьми место, тоже не было слышно. Пройдя несколько десятков метров по засыхающей траве, я упёрся в обтянутый проволочной сеткой забор, высотой выше моего роста. Калитки поблизости не было, и мне пришлось перелезть его. Бесшумно это сделать

не удалось...

В детстве я часто бывал в летнем лагере. Гоняя с пацанами в футбол, нам раз за разом приходилось останавливать игру, так как мяч улетал за сетку. Разгорячённые и эмоциональные, мы всегда встречали этот момент недовольным воем, и тогда кто-то из игроков (чаще всего сам виновник, лупивший мимо ворот слишком высоко) отправлялся окружным путём вдоль забора к калитке, а потом в лес, откуда выбивал мяч обратно максимально сильно. И не от досады за потерянное время и наказание за «косой» удар, а потому что знал – ждать его появления на поле никто не станет, а потому, вернуться на поле нужно успеть, пока остальные ловят возвращённый мяч и вводят его в игру.

А однажды на поле появился невзрачный с виду деревенский паренёк. Худой, стриженный практически наголо. Его снисходительно поставили на ворота, велел «не ссать», но этот доходяга удивил всех, умудряясь вытаскивать практически стопроцентные мячи из самых «девяток», бросался в ноги нападающим, снимая мяч у них с ноги за долю секунды от удара. Оценив потенциал вратаря, соперники стали лупить издалека и результат не заставил себя долго ждать – взвившись над деревьями, мяч улетел далеко в лес. Недовольный вой игроков ещё не успел утихнуть, а коротышка уже нёсся к забору. Полузащитник, пробивший выше ворот, двинулся было по направлению к калитке, но застыл

с открытым ртом – вратарь, подскочив к сетке, высоко подпрыгнул, уцепился за перекладину, сделав выход силой, замер на мгновение на вытянутых руках, а потом опрокинулся вниз головой за забор. Кто-то ахнул, представив себе результат падения с высоты более двух метров, однако парнишка, вцепившись одной рукой в сетку, умудрился сделать сальто и приземлиться точно на ноги. Кто-то на поле восхищённо присвистнул, кто-то выразил своё изумление более тихо, зато более эмоционально (в смысле непечатно), а коротышка уже нёсся обратно. Подбежав к забору, он аккуратно перебросил мяч, затем, повторил свой номер ещё раз, успев подхватить мяч, отскочивший от земли...

Футбол в тот день закончился раньше обычного, и до самой темноты игроки обеих команды, облепив забор с двух сторон, пытались повторить тот трюк. Дело закончилось тремя ушибами и одним вывихом. Последний достался мне.

Боец ли я? На этот вопрос предстоит ответить очень скоро. Моему астральному телу несколько раз удалось справиться с порождениями Тьмы, хотя Ратши и насмеялась над этим, высмеивая то, как я очертя голову бросался на противника. Надеюсь, мне ещё удастся многому научиться. И очень надеюсь, что учить меня будет именно Анастасия...

– Это боевое искусство дхолайш?

– Пожалуйста, Сева, – Анастасия слегка поморщилась. – Мы называем себя Защитниками.

– Как вышло, что я знаю его?

Я подпрыгнул и схватился за перекладину забора. Подтянулся, вскарабкался, завис на прямых руках, а потом нырнул вниз головой, перебрасывая тело через забор.

...Ничего лишнего ты не узнал, к тому же эти знания тебе не особенно пригодятся. По крайней мере, пока твое тело физически не готово их применять...

Ногу пронзила боль. Проклятье! Кляня себя за самонадеянность, едва сдерживаясь, чтобы не заорать, я покатился по траве, схватившись за щиколотку. Чёрт! Мне удалось каким-то образом «впитать» в себя некоторые боевые навыки Защитницы. Вот только приёмов по перепрыгиванию заборов в том наборе не было. Кое-как перетерпев первый приступ боли, я, сильно хромя и подволакивая ногу, направился к главному корпусу – внутренний компас указывал именно туда. Стены здания были обшарпанными, с давно обвалившейся штукатуркой. Из бетонных прорех то тут, то там торчали пучки травы, и даже небольшие кусты. Кривые граффити (а как же без них) сообщали о разнообразных видах сексуальных услуг, оказываемых «бесплатна» разными девушками и даже парнями, чьи имена и номера мобильных телефонов также были указаны, а потом замазаны другой краской, впрочем, не очень тщательно. Боль в ноге потихоньку отступала. Я поднялся на ступеньки и огляделся. Лес тёмной стеной подступал к забору, в небе, затянутом тучами, не было ни звёзд, ни луны.

Дверь не была заперта. Я потянул за ручку и приоткрыл её, вглядываясь в темноту. Изнутри пахло сыростью и какими-то старыми тряпками – запах давно покинутого дома. Крепко сжав рукоять тесака, но пока не доставая его из-за пояса, я вошёл внутрь. Под ногой что-то хрустнуло, я осторожно ступил в сторону – хрустнуло снова, ещё громче. Кафельная плитка, разбитая и отставшая от пола выдавала мои движения не хуже «поющих полов» замка Нидзё. Кое-как пробравшись сквозь фойе, я очутился в длинном коридоре, по обеим сторонам которого виднелись силуэты дверных проёмов. Пол, на этот раз покрытый линолеумом, скрадывал звуки шагов. Я проглотил слюну, чувствуя, как сердце стало колотиться сильнее – в полной тишине идти было ещё страшнее.

Шаг, ещё шаг. Дверные проёмы приближались. Я видел, что двери были открыты, видел, что расположены они были как раз друг напротив друга. Шаг... Куда посмотреть сначала? Направо? Или налево? То, что (возможно) скрывается в комнатах, лучше встретить лицом к лицу? А если я не угадаю, и ЭТО набросится сзади? Двери приближались. Я внезапно ощутил дикое желание развернуться, выбраться из этого пропахшего старым потом и сигаретным дымом здания, перепрыгнуть через чёртов забор, несмотря на боль в ноге, бежать сквозь лес, каждый миг ожидая удара в спину...

Шаг. Паника не исчезла, нет. Просто... шаг. И ещё один. Я

вытащил тесак из-за пояса, сжал в другой руке метательный нож, острием вперёд. Что бы там ни было впереди, с какой бы стороны оно не появилось, оно наткнётся на заточенный металл. Резко вдохнув, я одним махом преодолел расстояние до дверей и заглянул направо: несколько кроватей без матрасов, налево: куча стульев, сваленных в угол. Направо: разбитое стекло, грязно-жёлтая штора, висящая на одном крючке, налево: стопка книг, пара пустых бутылок, банка с окурками. Направо: никого. Налево: никого. Сердце потихоньку опустилось на место, перестав стучать в кадык. Отдышавшись, я двинулся дальше. К следующей паре проёмов.

Дальше дело пошло легче. Добравшись до третьей пары, я даже осмелился на шаг войти внутрь комнат, которые не очень отличались одна от другой. Миновав коридор, я вышел на лестницу. Ступеньки вели вверх и вниз. Я зажмурился, проверяя направление. Чуда не произошло – «компас» указывал путь в подвал.

Навесной замок на двери был сорван, ржавые петли погнуты и выворочены из древесины какой-то чудовищной силой. Я осторожно прикоснулся к двери. Та подалась неожиданно легко. К воню пота и табака добавился запах мокрого железа. И в этот момент я услышал какой-то звук. Низкий, протяжный стон, начавшийся с кряхтящего хрипа, переходящего в хлюпающее шипение. Моё сердце вновь подскочило к горлу, руки сжимающие рукояти клинков, моментально вспотели. Стон повторился. Вслед за ним слышал-

ся... смех. Тонкий, сухой, как треск кастаньет, он отразился от стен многократным эхом. Чьи-то шаги мелко застучали по бетонному полу. Я инстинктивно отпрянул назад, но было поздно. Из темноты возникла рука и схватила меня за горло.

– Привет, красавчик!

Вслед за рукой появилось круглое, перекошенное лицо, обрамлённое растрёпанными, сальными волосами.

– Заходи в гости!

Илона с нечеловеческой силой потянула меня внутрь.

***

Похоже, это помещение было чем-то вроде тира. Или склада. А скорее всего, тира, превращённого в склад ненужных ящичков, поломанных парт, остатков плитки, обрезков труб. То тут, то там торчали зажжённые свечи. Швырнув меня в угол, словно мешок с картошкой, она встала посреди подвала, уперев руки в бока.

– Какого чёрта тебе здесь надо?

Я до того опешил от вопроса, что едва не выронил оружие.

– Где она?!

– Кто? – Илона пристально смотрела мне прямо в глаза, выпятив нижнюю губу и хрипло сопя.

– Анастасия! Где она?! – я вскочил на ноги.

Всё произошло в мгновение ока. Только что медсестра стояла в нескольких метрах от меня, а в следующий миг её

локоть ударил мне в горло, прижимая к стене. Я захрипел, попытался двинуть ей в нос рукоятью тесака, но Илона двумя быстрыми ударами выбила оружие у меня из рук. Клинки со звоном покатались по бетонному полу.

– Тебя сюда не звали! – процедила она сквозь зубы.

У меня перехватило дыхание от вони, исходящей у неё изо рта. Выглядела медсестра ужасно. Кожа на лице высохла как пергамент, лоб прорезали морщины, вглубь которых набилась грязь. Уголки губ потрескались и сочились какой-то белёсой сукровицей. Немытая шея, на которой болталось ожерелье из человеческих пальцев, кое-где покрылась рыжей коркой. В мозгу молнией промелькнула очерёдность действий: двинуть пяткой ей по подъёму стопы, перехватить левой рукой за кисть, правой подбить локоть вверх, освободиться от захвата, выломав ей руку...

План застопорился на первом же этапе. Словно прочитав мои мысли, она резко убрала ногу в сторону, и я с силой впечатал пятку больной ноги в бетон. Заорать от боли тоже не удалось – её кулак глубоко погрузился в мой живот. Илона отступила, и я рухнул на колени, пытаясь одновременно и вдохнуть воздух и выплевать давно переваренный завтрак.

– Тошнит, да, Авессалом? Вот и славно! – захихикала она. – Прочистим желудок?

– Я... тог... да... спас... те... бя... – я выхлюпывал слова из горла по слогам, пытаясь подняться.

В ответ неожиданно раздался стон – тот самый, который

я услышал минуту назад, когда заглянул в подвал. Я поднял глаза и замер: Илона тряслась всем телом, закатив глаза так, что видны были лишь жёлтые белки. Её пальцы скрючились, длинные грязные ногти полосовали воздух вокруг, волосы грязными сосульками топорщились, словно змеи на голове Горгоны. Я оглянулся по сторонам в поисках своих клинков, но она уже справилась с приступом и насмешливо взглянула на меня.

– Пришёл спасти свою даму, герой? – её губы растянулись, обнажив почерневшие зубы. – Не вздумай хвататься за железки, не то я сдеру с тебя кожу, так как содрала с неё!

– Тварь! – прохрипел я, вскакивая на ноги.

Один из ударов всё-таки её задел. Медсестра, зашипев, отскочила к стене, махнула головой, откидывая назад грязную прядь, и бросилась на меня, растопырив когти. Я увернулся, но тут же полетел на пол, сбитый ударом плеча. Однако тело, повинуясь чьим-то чужим рефлексам, само выгнулось, совершив кувырок в сторону, пальцы, мгновенно нащупав рукоять тесака, сомкнулись на ней так быстро и точно, словно проделывали это несчётное количество раз. Миг, и я вновь стоял на ногах, направив лезвие на неё. Не понимающий, каким образом моё тело только что сделало все эти невероятные трюки, но полный решимости продолжать. Илона отпрянула назад и... захихикала.

– Тише, тише, любовничек, – она аккуратно вправила прядь в причёску, пригладила растрёпанные волосы. – Лад-

но, ладно, я пока не сделала этого...

– Где она?

– Неподалёку, – она кокетливо теребила один из ужасных атрибутов своего мерзкого ожерелья.

– Где?..

Я не успел договорить. Что-то колючее упало сверху мне на плечи. Я дернулся, пытаюсь отряхнуться, но какая-то тварь колючей проволокой обвила мне шею, сдавило горло. Рыжая голова гигантской сколопендры – не магической, самой реальной – застыла, распахнув дрожащие челюсти в сантиметре от моего глаза. Капельки яда сверкнули в свете свечей на острых краях жал многоножки. Я замер, затаив дыхание – сколопендра тихо шевелила усиками, но пока не нападала; её конечности, оканчивающиеся шипами, больно впились в кожу на шее. Илона приблизилась. Скосив глаза, я увидел, как её губы растянулись в самодовольной ухмылке. Бывшая медсестра, переродившаяся в самую настоящую ведьму из ночных кошмаров, явно наслаждалась ситуацией.

– Не бойся, Авессалом, – её голос звучал бы сладко, если бы не болезненная хрипотца. – Я пока не хочу, чтобы мои маленькие друзья причинили тебе боль. А они так послушны мне...

– Чего тебе нужно? – прошептал я.

– В данный момент – как и от них – послушания.

– А потом?

– Ты так нетерпелив.

Она рассмеялась каркающим смехом. Булькнула горлом, откашлялась, харкнула мне под ноги сгустком бурой мокроты. Сморщилась, хмуро рассматривая пятно на полу.

– Ты знаешь, Авессалом, на самом деле вы мне не интересны. Ни ты, ни твоя, как там её... Дхолайш, вот. Просто так приятно было сбить спесь с её наглой рожи. Может быть, я даже и не стану её убивать...

– Конечно, не станешь, – перебил я её.

Она злобно скривилась, маленькие глазки сверкнули ненавистью, и сколопендра тут же дёрнулась, щёлкнув челюстями в миллиметре от моего глаза.

– Мелкий мерзкий человечиска! Ты и твоя девка живы до сих пор потому, что... потому...

– Что так приказала твоя хозяйка. Признай это, Илона.

Она протянула руку ко мне и пошевелила пальцами. Гигантская многоножка отстранилась. Я облегчённо вздохнул.

– Нет ничего зазорного в том, чтобы оказать небольшую услугу своему учителю, – сладко проворковала своим отвратительным хрипящим голосом она.

– Конечно, ничего, – я облизал губы, лихорадочно сообщая, какие слова подобрать. – Ратши собирается шантажировать меня, но тебе совершенно не обязательно в этом...

Илона сжала пальцы в кулак.

Будь эта дрянь хотя бы на несколько сантиметров дальше... Будь мои рефлексы хоть чуточку более острыми... Будь я хоть немного опытнее... Наверное, я бы смог.

Не увернуться, а перехватить рукой (благо руки были свободны) эту тварь. Я же инстинктивно дёрнулся назад, пытаюсь увернуться. Но как увернуться от того, кто обвился вокруг твоей шеи?

Сперва была боль там, куда вонзились челюсти сколопендры. Острая, обжигающая щёку, глаз, губы; растекающаяся по шее, и без того разодранной шипами членистоногого. А потом подействовал яд, и мой мозг залило лавой...

Я очнулся от крика. Тонкого, беспомощного. Так кричит жертва, лишённая сил к сопротивлению – пронзительно, хрипло, захлёбываясь пеной взбитой в горле слюны. Где-то в сознании мелькнуло раздражение, неприязнь к существу, издающему подобные звуки – жалкие, лишённые достоинства. А потом я понял, что это кричу я сам. Перед глазами бушевали огненные узоры, жар от горнила, гудящего в черепной коробке, разливался по всему телу, бушевал в животе – мой «омут» радостно подхватил ядовитое пламя и теперь отчаянно кружился, с безумной силой наматывая на себя жилы и кишки.

Я с громким всхлипом втянул в лёгкие порцию воздуха. Боль, на миг охлаждённая, отступила на долю секунды, а потом вновь нахлынула огненной волной. И тогда я почувствовал это... Касание... Прикосновение чего-то невероятно приятного. И от этого прикосновения раскалённый горн в черепе тут же потух, как огонь свечи, сорванный

с фитиля лёгким дыханием. Животворящий холодок прокатился по коже от щеки к шее и ниже, гася полыхающее пламя. Мгновением позже, медленно, как бы нехотя, погас и «омут»...

Лёгкие, ловкие пальцы пробежались по моему лицу, принося облегчение. Я поднёс руку к лицу, коснулся их своими пальцами. Потом почувствовал на лице прикосновение волос, с трудом разлепил веки. Женский силуэт. Она, склонившись так, что видны лишь её распущенные волосы, продолжает исцелять, прогоняя боль касанием рук. Огни, пляшущие у меня в глазах, окрашивают её локоны в рыжий цвет.

– Настя... – мой голос был неприятно сиплым и дрожащим.

Разноцветные пятна, перед глазами понемногу исчезают. Но её волосы... Они почему-то остаются... рыжими.

– Ну, здравствуй, Авессалом-спаситель девушек! – Ратши, отбросив волосы назад, отстранилась, ласково улыбаясь мне. – Прости за эту боль. Илоночка, пожалуй, слегка переусердствовала.

Я с трудом сел на полу, ощупывая щеку, пульсирующую от укуса сколопендры.

– Маленькая демонстрация для тебя. Всего лишь для того, чтобы оградить от бесполезных попыток решить наш вопрос грубой силой, – ведьма едва заметно кивнула Илоне, и та, сердито хмурясь, пододвинула походный стул. – Надеюсь, дорогой, – Ратши уселась на стул и забросила ногу на но-

гу, – ты воздержись от ненужного проявления своей маскулинности, потому что в твоём мужестве мы с Илоночкой (медсестра скривилась) нисколько не сомневаемся.

Надо признать, она ещё больше похорошела. Её бедра, втиснутые в кожаные брюки, округлились в положенных местах, грудь соблазнительно выпирала, так и норовя выпрыгнуть из спортивного топака, на голом животе, видимом из распахнутой зелёной кожаной мотоциклетной куртки, не собралось ни единой складочки, хотя она сидела абсолютно расслаблено. Эталонная девушка байкера из американских боевиков 90-х, правда, без дурацкого начёса набок, модного в то время. Её густые волосы раскинулись по плечам рыжим водопадом. Ратши приветливо улыбнулась, и это вывело меня из себя.

– Ты одеваешься так же, как она, – процедил я сквозь зубы.

– Правда?! – ведьма изумлённо вскинула брови, оглядывая себя, – Илоночка, это правда? Я действительно копирую стиль нашей гостью Анастасии?

Медсестра, злобно зыркнув на Ратши, молча отвернулась в сторону.

– Вот и я думаю, что нет! Как ты мог такое подумать, Авессалом? Это же очевидно: у меня зелёная куртка, а у этой глупенькой дхолайш – фиолетовая! Право, никакого сходства! Ты такой невнимательный, Авессалом-медиум. Хотя, и мой леопардовый плащ ты не оценил... Не оценил ведь, а?

– Ты позвала меня? – я проигнорировал вопрос. – Зачем?

– Я не звала, – она откинулась на спинку стула, вытянув ноги и взгромоздив один ботинок с «тракторной» подошвой на другой. – Но я рада тебя видеть.

– Что...

– Что мне нужно? – быстро перебила она, нахмурившись. – Пожалуйста, дорогой, перестань задавать один и тот же вопрос, прошу тебя. Не разочаровывай меня, ещё чуть-чуть, и мне покажется, что становишься скучным.

– Что тебе нужно... – упрямо продолжил я. Её лицо вытянулось, – ...от нас?

– Оу! – губы Ратши собрались в «дудочку», потом снова расплылась в усмешке, обнажив её странные, заостренные как у дельфина зубы. – От вас?! А прогресс налицо, согласись, Авессалом-переговорщик? Раньше было «этого никогда не будет», а сейчас вот как! Ради такого стоило немного пощипать пёрышки твоей Защитнице! Тише, тише, не дёргайся, дорогой! – она примирительно подняла руки ладонями вперёд. – Мы же ведём переговоры, разве нет? Значит, интересы всех сторон должны быть обозначены и зафиксированы. Вот Илоночка, например, вполне удовлетворена исходом поединка и уже не планирует процесс... э... свежевания. Правда, дорогая?

Не удержавшись, я бросил быстрый взгляд на медсестру. Та забила в угол, крутя в руках невесть откуда появившийся старый футбольный мяч. Сосредоточено сопя, она, похо-

же, не услышав вопроса, подцепила ногтем тёмный кожаный пятиугольник. Потянула.

– Илона?! – позвала Ратши.

Та с громким треском отодрала кусок кожи от мяча. Подняла взгляд, слегка повернувшись ко мне, и отрицательно покачала головой. Глаза её пылали холодной ненавистью.

– Ну вот! Я же говорила! – радостно рассмеялась Ратши.

– Я хочу её видеть.

Её брови собрались домиком.

– Почему бы и нет? Ты ведь не против, Илоночка?

Медсестра не ответила, подцепив ногтем очередной кусок кожи на мяче.

– Илона Ольховская, новоявленная дочь Тьмы, и моя ученица, – в голосе ведьмы зазвенел металл, – позволишь ли ты мне, своей госпоже, а так же нашему гостю увидеть твою пленницу?

Пятиконечный лоскут кожи шлёпнулся на пол у ног Илоны. Потом она, как мне показалось, тяжело и нехотя поднялась на ноги.

– Госпожа... – процедила сквозь зубы медсестра, слегка наклонив голову.

– Славно! – ведьма легко спорхнула со стула и протянула мне руку. – Идём!

Её руку я не принял. Поднявшись на ноги, обернулся, потом решительно подхватил с пола оружие. Ратши слегка прищурилась, и я ощутил, как заныло место укуса на щеке,

а оставшееся от шипов кольцо на шее зачесалось. Я хмуро кивнул и спрятал клинки. Илона развернулась и двинулась в тёмный угол тира, прошла между сваленными в кучу матами, звякнула невидимым в темноте засовом. Заскрипела открываемая дверь. Ратши, подхватив одну из свечей, сделала мне знак идти за медсестрой. Едва сдерживаясь, чтобы не побежать, я прошёл в угол, подошел к двери, которую открыла Илона, заглянул внутрь...

Там было темно. Поэтому сперва я ощутил запахи. Крови, пота и... соли. А ещё абсолютно непонятно каким образом оказавшийся там едва различимый аромат водорослей. Мозг моментально отметил эту информацию, но обработать её помешал стук сердца, молотом заколотивший в груди. Ратши, подтолкнув меня внутрь, подняла свечу и легкодохнула на неё. Пламя соскользнуло с фитиля, вздрогнуло в воздухе, а потом разлетелось россыпью маленьких огоньков, застывших под потолком и осветившим всё вокруг. Моё сердце мгновенно прекратило колотиться, а потом и вовсе сжалось до размеров горошины. В комнате была Анастасия. Она сидела на стуле, отвернувшись к стене.

– Настя!

Я рванулся вперёд, но Ратши удержала, вцепившись мне в плечо стальной хваткой своих тонких пальцев. Защитница не пошевелилась. Сзади кто-то хихикнул. Я обернулся – Илона тряслась у двери, сдерживая смех. Мерзкое хихика-

нье словно эхом отразилось от противоположной стены. Я обернулся обратно к Анастасии и замер – Защитница тоже тряслась, словно смеялась вместе с Илоной. Я дернул рукой, освобождаясь от хватки ведьмы и та, как ни странно, отпустила моё плечо. Илона громко расхохоталась свистящим, булькающим смехом, и так же в голос, откинув назад голову, расхохоталась и Анастасия. Не веря глазам, я приблизился к ней, обошёл стул, заглянул в лицо...

Её глаза покрывал густой слой паутины. На шее висело странное ожерелье, скорее напоминающее ошейник. Когда я схватил её за руку, ошейник пришёл в движение, оказавшись, разумеется, сколопендрой. Медсестра, уже не сдерживаясь, зашлась хохотом, запрокинув голову, и словно связанная с ней невидимыми нитями марионетка, захохотала и Анастасия.

– Настя!!! – заорал я, схватив её за голову.

Сколопендра моментально ожила, её ножки оцетинились шипами, на каждом из них блеснула микроскопическая капелька яда. Защитница прекратила смеяться, замотала головой, открыла рот, пытаясь произнести что-то. У входа в комнату злобно зарычала Илона.

– Нет! – я отдёргнул руки от лица любимой, поняв, что сейчас будет, но уже было поздно.

Голова многоножки показалась из волос девушки, щёлкнула челюстями. Илона сжала, протянутый в нашу сторону кулак и сколопендра сжалась, вонзая шипы в шею Анаста-

сии. Та захрипела и выгнулась на стуле. Я заорал, не решаясь дотронуться до неё, не понимая, что делать. Медсестра расхохоталась ещё громче, и Анастасия расхохоталась вслед. Её губы, искажённые болью, скривились в самую жуткую улыбку, которую я видел.

– Прекрати! – закричал я, обернувшись. – Ратши, ради бога, скажи ей, чтобы она прекратила!

Ведьма, мрачно смотревшая на эту жуткую сцену, повернулась к медсестре.

– Илона, хватит.

Та не реагировала, продолжая конвульсивно дёргаться, насильно выдавливая из себя взрывы хохота.

– Илона!

Волна жара прокатилась по комнате. Медсестра выгнулась, в припадке абсолютно сумасшедшего смеха, Анастасия рухнула со стула на пол. Глаза ведьмы блеснули, потом погасли – зелёные радужки потемнели и расширились, превратив глаза в чёрные алмазы. Ратши резко выбросила руки вверх, сцепив пальцы в замок. Я бросился на пол, успев прикрыть тело защитницы, бьющееся в конвульсиях.

Илону ударом Силы отшвырнуло в глубину тира. Спустя миг всё закончилось. Анастасия обмякла в моих объятьях.

– Отойди от неё, – голос Ратши был холоден как лёд. – Ты не имеешь на неё никаких прав.

Я приподнялся. Сколопендра никуда не делась. Тело твари слегка шевелилось на шее Защитницы, чёрные глазки пя-

лилились на меня, шипы на ножках подрагивали, выпуская капельки яда. Я осторожно усадил Анастасию, спиной к стене. Сзади зашуршали маты – медсестра, злобно кривясь, выбралась из завалов и подошла двери, глядя себе под ноги.

– Госпожа... – пробулькала она.

– Не увлекайся, моя милая, – не глядя на ученицу, прощедила сквозь зубы рыжая, слегка изогнув губы в холодной улыбке школьного завуча.

Илона метнула на неё взгляд, полный ненависти. И вновь принялась за мяч.

– Итак, Авессалом, ты убедился в том, что твоя дхолайш жива и практически невредима, – ведьма, на секунду закрыла глаза, а когда открыла, радужки её снова уменьшились до обычного размера и стали зелёными.

Развернувшись, она щёлкнула пальцами. Огоньки, висевшие в воздухе, погасли, погрузив комнату во мрак.

– Не вздумай шалить – Илона следит за тобой. В следующий раз не стану препятствовать ей в её законных правах на пленницу.

Анастасия дышала ровно и глубоко. Сколопендра замерла. Проглотив горький комок, я поднялся. И в этот момент раздался визг. Я резко обернулся – Илона с перекошенным от боли лицом рассматривала свой окровавленный большой палец на руке.

– В чём дело, дорогуша? – раздражённо нахмурилась Ратши, потрянув гривой рыжих волос.

– Ноготь... – прошипела медсестра, отшвырнула мяч в сторону и, засунув палец в рот, принялась сосать его.

Меня передёрнуло.

– Тебе пора, Авессалом, – в голосе ведьмы больше не было игривости.

Я шагнул было к выходу, но остановился. В воздухе снова ощутимо пахло... чем-то невыносимо знакомым. Ратши, похоже, тоже почуяла запах.

– Как интересно... – ведьма принюхалась и на губах её снова заиграла ироничная усмешка. – Илона, чувствуешь? Чем пахнет?

– Морем, – буркнула та, не вынимая пальца изо рта.

– О, нет, дорогая, это не море... Это запах океана... Атлантического, если я не ошибаюсь. Это запах романтического отдыха! – она вдруг плавным танцевальным движением приблизилась ко мне и... обняла меня за талию.

Опешив от неожиданности, я не нашёлся, что ответить, инстинктивно подняв руки. Она тут же перехватила мою ладонь, и прижалась к паху своим бедром.

– Запах страсти... – прошептали её губы прямо мне в ухо. В темноте комнаты я увидел, как на одной из стен проявился золотой овал. – ...с лёгкими нотками... – Ратши сильно прижала меня к себе, – ...вуду!

Овал затрещал, превращаясь в портал. Она с силой рванула меня в сторону, и удар Силы пришёлся в то место, где мы стояли секунду назад, обнимаясь, как два танцора тан-

го. Мгновением позже из портала выпрыгнула Эснуш с мечом наголо. Увидев Ратши, широко махнула клинком, целя ей в шею. Рыжая откинулась назад, прогнулась, продолжая удерживать меня в объятьях, и лезвие меча просвистело над её головой, едва не чиркнув мне по груди. Ратши с хищной ухмылкой вновь выпрямилась, прижалась ко мне щекой. Эснуш, зарывав, ткнула гладиусом, целясь остриём ей в грудь, но ведьма отпрянула в сторону, оттолкнув меня вот себя, при этом удержав за руку. Меч пронзил промежуток в несколько сантиметров между нашими телами и тут же скользнул обратно. Глаза Ратши блеснули безумными огнями, губы чувственно кривились – она не просто уклонялась от ударов, она танцевала! А партнёром в этом диком танце был я. Гладиус снова свистнул, рассекая затхлый воздух подвала, и мы закружились в смертельном вихре безумных танцевальных па. Я, опешивший, лишённый сил к сопротивлению, и рыжая ведьма, гибкая и быстрая как кобра. Эснуш разъярённо рычала, вкладывая в каждый удар всю свою ярость, но ни один её удар нас даже не задел. Краем глаза я увидел Илону, застывшую с изумлённой гримасой на грязной физиономии.

– Как же давно я не танцевала, Авессалом! Как же давно...

Молния золотым хлыстом ударила нам под ноги – в комнату из портала шагнул Шамат. Ратши замедлилась на мгновение, и этого было достаточно. Меч предводительницы легионов просвистел в сантиметре от моего лица. Ведьма вздрогнула, отпрянула в сторону, отпустив мою руку. Рыжий

локон, бывший частью её волос, медленно опускался на пол. Ратши застыла на месте. Лицо её исказилось гримасой гнева, губы скривились, обнажив заострённые зубы, глаза блеснули и тут же погасли, превратившись в два сгустка тьмы. Шамат размахнулся, ткнул рукой в её сторону, и золотая молния ударила в ведьму... пройдя сквозь неё, как сквозь туман. А в следующее мгновение Ратши распалась на миллионы жужжащих мух, роем взмывших к потолку. Эснуш бешено махала мечом, но клинок просто свистел в воздухе, не причиняя насекомым никакого вреда. Рой метнулся к выходу из комнаты.

– Илона! – заорал я, приходя в себя. – Держите её ученицу!!!

Эснуш, обернулась. Шамат метнул молнию, но медсестра резко отпрыгнула в сторону, и в тот же миг её облепили мухи. Что-то ударило мне в грудь, и я рухнул на пол. В полумраке у самого моего носа проявилось видение – зелёные глаза сверкнули яркими огнями, чувственные губы прошептали: «Мы ещё не закончили, Авессалом-танцор!».

Рыжий туман растаял. Ни Ратши, ни Илоны в комнате не было. Эснуш с криком бросилась к выходу, Шамат выбежал вслед за ней. Я обернулся, вскочил и рванул в противоположную сторону. Подбежал к ней, рухнул на колени, обнял, глядя руками её безвольное тело, растрёпанные, покрытые пылью и паутиной волосы. И это продолжалось секунд десять...

А потом вернулась Эснуш и отшвырнула меня в угол.

Часть вторая

Повстанцы

Диннь. Кланк-кланк. Диннь. Кланк-кланк.

Странные звуки проникли в его сон, пульсирующим пунктиром разделяя забытие и реальность. Кастет, Илона, Вероника... Марк, отец, Тома Кулеш... Мутные образы, мелькавшие в сознании, взаимодействовавшие друг с другом самым нелепым, фантастическим, иногда даже отвратительным образом, вдруг замерли, а потом закружились в дурацком танце. Кирилл даже осознал, что знает, неизвестно откуда, название этого танца – галоп. Кастет кружился, обхватив длинными руками за бока Илону, Ковалёв-старший, высоко подкидывая ноги, тащил через больничную палату Тому, которая пискляво хихикала. Марк тянул за руку отчаянно сопротивляющуюся Веронику.

Диннь. Кланк-кланк. Диннь. Кланк-кланк.

Кирилл нервно заёрзал на кровати, и одеяло сползло на пол. Илона злобно сверкнула глазами, Кастет пнул одеяло, и оно отлетело, повиснув на умывальнике. Кирилл поёжился – его ног коснулось что-то влажное и холодное. Посмотрел вниз и почувствовал, как горло сжалось от ужаса. Ни простыни, ни матраса на кровати не было – лишь чёрная масса, которая, чавкая, поглощала его плоть, покрывая

тело жирной толстой плёнкой. Он дёрнулся, пытаясь встать, но тело больше не слушалось. Завертел головой, осматривая себя – скрюченные руки покрылись черной плёнкой по локоть. Живая субстанция выстрелила липкими отростками, охватила его впалый живот, обвила щупальцами тощие бёдра, заползла в трусы.

Диннь. Кланк-кланк. Диннь. Кланк-кланк.

Невесть откуда взявшиеся близнецы Кхорки колотили ручками кнутов по железной спинке больничной кровати.

Диннь. Кланк-кланк.

Толстяк Уги стучал ложкой, наёмник Касси, соответствуя своей кличке – тесаком. Что-то обожгло его щёки. Кирилл понял, что это слёзы.

Диннь. Кланк-кланк.

Кейри Тель, мрачный и сосредоточенный, замер посреди палаты, пристально глядя ему в глаза. Нет, не в глаза – взгляд фокусника проникал прямо к нему в голову, буравил мозг. Кирилл застонал – чёрная слизь подобралась к самому горлу. Он всхлипнул. Слизь коснулась подбородка, поползла по щеке. Губы Кейри Теля изгибались – он яростно шептал что-то Кириллу, но тот, оглушённый звонким «диннь-кланк-кланк», не различал слов.

«Вдохнуть!» – глаза фокусника блеснули зелёными огоньками. Жижка коснулась губ Кирилла, проникла в рот. «Ты должен это вдохнуть!!!»

– Не-е-е-е-ет!!!

Что-то твёрдое ударило его по губам, на грудь хлынула холодная жидкость.

– А ну, тихо, малой!

Кирилл ошарашенно озирался по сторонам. Он сидел на грубо сколоченном из отёсанных веток помосте, покрытом шкурами, в помещении, наполовину напоминающем пещеру, наполовину шалаш. Небритый мужичонка лет пятидесяти пяти, хмурясь, поднял с утоптанного земляного пола глиняный кубок и критически осмотрел его.

– Очнулся. Ну и добре, – он поднялся и зачерпнул из большого кувшина воды, подал Кириллу. – На вот, теперь сам пей, раз очухался.

Кирилл машинально протянул руку, но тут же, вздрогнув, устоял на пальцы. Чёрные... Нет... Просто тёмные от грязи. Он пошевелил рукой, сжал пальцы в кулак – те двигались легко и свободно. Он выдохнул и взял кубок.

– Ты кто? – спросил он мужика.

– Апостол Пётр, – ухмыльнулся тот.

– Врёт он всё, – кто-то вошёл внутрь, отодвинув сплетённую из веток дверь. – Никакой он не Пётр.

Кубок снова выпал из рук Кирилла. А в следующий момент он, отбросив в сторону покрывавшие его шкуры, спрыгнул с помоста и рванул навстречу светловолосому силачу, стоящему у двери.

– Ма-а-а-арк!!!

Марк не обнял его. Перехватив за предплечья, сильно сжал их стальными пальцами, пристально взглядываясь в глаза Кирилла. Потом отстранил от себя, осматривая прямые, исцелившиеся от недуга руки и ноги брата.

– Хорошо, – кивнул он и... развернувшись, вышел из шалаша.

Ошарашенный Кирилл на несколько секунд застыл на месте, не в силах ни пошевелиться, ни произнести хоть слово. Мужичок, представившийся ему апостолом, прихрамывая, подошёл и похлопал по плечу.

– Не обращай внимания, малой. Кузнец – суровый мужик. Ты и вправду брательник ему?

Парень молча кивнул.

– Добре. Попей-ка водицы. Есть хочешь?

Кирилл мотнул головой.

– Как знаешь. Если что – вон солонины кусок, – он кивнул головой в угол, где на каменном выступе в скале лежала какая-то снедь. – И лепёшки там. Короче, минут этак... через десять, – он взглянул на запястье, на котором не было никаких часов, – будь готов.

– К чему? – пробормотал парень.

– Увидишь, – мужик почесал лысину, обрамлённую неряшливо, судя по всему, прямо ножом обкорнанными волосами. – Поешь-поешь. Пригодится.

Выйдя из шалаша, он не стал прикрывать за собой калитку и Кирилл, осторожно приблизившись к выходу, выглянул

наружу.

***

Больше всего это было похоже на летний лагерь. На плоском плато в строгом порядке располагались аккуратно изготовленные шалаши, покрытые ветвями дикого винограда. Дымились костры. Со стороны одного из них, дымившего особенно интенсивно, доносился тот самый, разбудивший Кирилла, лязг ударов молота по металлу. По периметру плато располагался земляной вал, торчал частокол. Впрочем, это парень рассмотрел чуть позже. Потому что всё его внимание тут же сосредоточилось в центре плато, на котором идеально строгими и чёткими рядами стояли в боевой стойке... гладиаторы, словно сошедшие со страниц книги Джованьоли. Примерно сотня или даже полторы. Доспехов на них не было, из одежды присутствовали лишь набедренные повязки. В одной руке каждый гладиатор держал тоненький прут. Марк быстро прошёл сквозь строй и, развернувшись к воинам лицом, встал в стойку.

– Ката! – крикнул он, и шеренги синхронно пришли в движение.

Мускулистые плечи блестели на солнце, бугры мышц перекатывались под кожей рук и ног при каждом движении. Но сами движения... они были невероятно... медленными. Сотни рук отвели пруты, изображавшие мечи, назад. Неве-

роятно медленно, плавно и в абсолютной тишине укололи воздух перед собой, повернули сжатые в кулаке пруты, наматывая воображаемые кишки противника на лезвие, увели пруты в сторону, вспарывая невидимые животы, снова отвели руки назад. А потом движение вновь повторилось в таком же порядке. Заворожённый увиденным, Кирилл застыл у выхода из шалаша. Зрелище было невероятным, даже учитывая все произошедшее с ним за это время, включая схватку с монстрами, в которых обратились разбойники, и его чудесное исцеление.

Марк запрыгнул на большой валун, оказавшись на метр выше воинов.

– Нас привели в этот мир без нашего согласия! – его голос, мощный, слегка хриплый отражался лёгким эхом от скал, окружающих плато. – С нас брали дань, которую мы никому не были должны! Дань, которую платят победителям, но нас никто не победил – нас выкрали. Подло и вероломно. Лишив семей и будущего, лишив веры и родины, лишив права быть упокоенными в родной земле рядом с предками!

Гладиаторы с поразительной синхронностью продолжали свой тягучий цикл движений.

– Нас пытались превратить в бездушных рабов! – продолжал Марк, его голос усиливался. – В источник силы и богатства для грязных подлецов и торгашей. В бессловесную массу, безропотно выполняющую прихоти подлых воров! – лица воинов оставались бесстрастными, но Кирилл видел,

как мышцы на их руках стали наливаясь мощью, ступни ног глубже зарывались в песок, кроша грубыми сандалиями комки засохшей грязи. – Только они ошиблись! Да! И мы никогда не станем стадом. Мы – братья по крови! Братья по родине! Братья по оружию! – Марк взметнул вверх сжатый кулак. – Ката!!!

Движения гладиаторов едва заметно ускорились. Воины кололи уже не в одну точку на теле невидимого врага, а в несколько. Пруты входили, проворачивались, мышцы рук двигались, словно поршни одного целостного механизма. Солнечные блики переливались на коже, обозначая натянутые словно струны сухожилия.

– Ката!!!

Шеренги рассыпались в хаотичном движении, полуобнажённые воины смешались в самом удивительном подобии боя. Теперь каждый из гладиаторов выступал против соперника. Тонкие пруты неторопливо касались шеи, живота, паха соперника. Не нанося ни малейшего урона, не причиняя никакого вреда. Противники не пытались отбивать удары или уклоняться – просто на несколько секунд одни становились неподвижной мишенью для соперника, а потом менялись ролями и таким же образом касались тела противостоящего.

– Стоп! На исходную! – скомандовал Марк.

Гладиаторы на мгновение замерли, а потом плавным движением встали по местам – словно внезапно налетевший ветер покрыл рябью озеро из человеческих тел, и тут же

стих, оставив после себя идеально ровную поверхность. Тела воинов, застыли подобно античным статуям, повернувшись к своему предводителю.

– Сегодня к нам присоединится новый воин. Мой брат. Брат каждого из вас! – Марк повернулся к Кириллу. – Выходи, парень!

Кирилл вышел из шалаша и, смутившись, остановился, не понимая, что ему делать дальше.

– Давай, давай, малой, – сзади материализовался давешний мужичок, – иди. Не слышишь? Зовёт же!

Парень сделал пару неуверенных шагов и тут же скривился, зашипел от боли, наступив босой ногой на острый камешек. Испуганно оглянулся.

– Иди-иди, всё нормально!

Кирилл двинулся сквозь шеренги. Воины, казалось, не обращали на него никакого внимания, держа головы прямо, но он спиной чувствовал пристальные взгляды. Разорванная в схватке одежда свисала с него клочьями, шутовские штаны спадали, и ему пришлось поддерживать их рукой. Кирилл поднял голову и встретился взглядом с братом. Марк смотрел хмуро, словно оценивая. Внезапно, парень рассердился. Ему ли, прошедшему столько испытаний, чего-то стесняться? Да, похоже, в этом лагере Марк сделался кем-то вроде легендарного Спартака, но теперь стыдливо отводить взгляд при виде него брату не придётся! И никому больше не придётся!

Он гордо выпрямил спину, поднял голову. Шаги стали твёрдыми и уверенными. Под ногами крошились комья сухой глины, но Кирилл уже не замечал этого. Он добрался до камня, на котором стоял Марк и тот, прыгнув вниз, подошёл, протягивая руку. Их рукопожатие вышло порывистым и твёрдым. А ещё, и это произошло само собой, пальцы обхватили не ладони, а предплечья – рукопожатие воинов!

Сзади раздался гул довольных голосов и шум ударов. Кирилл обернулся: гладиаторы одобрительно кивали головами, ударяя сжатыми кулаками себе в грудь. Лица воинов были суровыми, но Кирилл увидел несколько озорных улыбок.

– Сегодня ты отдохнёшь, – обратился к Кириллу брат, а завтра встанешь в строй вместе со всеми. Оселок! – пожилой мужичок, видимо, следовавший вслед за Кириллом, подошёл к ним. – Займись им. Накорми и подлечи, если нужно.

Мужичок кивнул, едва заметно усмехаясь в усы. Кирилл открыл было рот, намереваясь что-то спросить, но Марк покачал головой.

– Не сейчас. Вечером поговорим, – он отстранился и повернулся к шеренгам. – Ката!!!

***

Остаток дня Кирилл провёл с Оселком. Тот гордо пояснил значение своего прозвища, тем, что он, дескать, навреде точильного камня, которым остряют клинки. А вообще, Осе-

лок, по разумению Кирилла, выполнял функции интенданта, старшины лагеря. А заодно и лекаря. Показывая парню лагерь, он то и дело покрикивал на здоровенных воинов, и те подчинялись ему беспрекословно. Правда, как заметил Кирилл, не все пытались сохранить при этом серьёзное выражение лица. Гладиаторы, накинув на себя не совсем целые, но чисто выстиранные туники, таскали воду, дрова; несколько молодых парней возилось на кухне, кроша в огромные чаны какие-то местные овощи. Возраст обитателей лагеря колебался от двадцати до сорока-сорока пяти лет. Воины разошлись по шалашам. Кто-то сидел у маленьких костерков, кто-то прогуливался вдоль вала. Некоторые выходили из шалашей, держа в руках оружие – мечи с примерно полуметровым лезвием и массивной рукоятью, заканчивающейся округлым навершием. В вечерней тишине то тут, то там раздавалось шуршание оселков – на этот раз самых настоящих.

Кирилл задавал своему спутнику тысячи вопросов, но тот лишь отшучивался, поручая парню всякую мелкую работу. Гладиаторы препятствий новичку не чинили, но, держались отстранённо и общаться не стремились, хотя более молодые воины бросали на него любопытные взгляды. В конце концов парень просто расслабился и принялся выполнять поручения Оселка, наслаждаясь лёгкостью движений. Тело слушалось безукоризненно: ноги словно пружинили от земли, руки с лёгкостью подхватывали тяжеленные кадучки с водой, пальцы запросто справлялись с самой мелкой работой.

Пару раз он просто усилием воли сдерживал себя от того, чтобы пройти колесом.

Осмелев, он решил прогуляться по лагерю в одиночку. В сгущающихся сумерках костры стали ярче. Огни освещали лица воинов, недавно вернувшихся с вечерней «тренировки», делая контрастнее их суровые морщины и шрамы. Кирилл проходил мимо шалашей, кивая тем гладиаторам, которые поднимали головы, смотря на новичка. Некоторые отвечали, некоторые равнодушно отворачивались, продолжая заниматься своими делами. Воины тихо переговаривались между собой. Ни одной женщины или ребёнка Кирилл не заметил.

Миновав ряды шалашей, он приблизился к скале, в которой виднелась пещера. В глубине её мерцал тусклый свет. Парень несколько секунд постоял на месте, пытаясь высмотреть, что там внутри. Потом развернулся и собирался уже вернуться обратно, но застыл как вкопанный. Из пещеры раздался крик. Далёкий, сдавленный, но при этом отчётливый человеческий крик, наполненный болью. Кирилл оглянулся – сидевшие в сотне метров гладиаторы, казалось, ничего не слышали. Парень прислушался. Ничего. Едва слышно трещали ночные насекомые, вдалеке тенькал по железу кузнечный молот – этот звук, похоже, вообще никогда тут не прекращался. Кирилл вздохнул. Возможно, это просто какая-то местная ночная птица... Он развернулся к лаге-

рю, собираясь вернуться. В этот момент крик повторился. Такой же далёкий. Кирилл медленно приблизился к пещере, заглянул внутрь. В глубину скалы уходил узкий коридор, то ли вырубленный в камне, то ли естественного происхождения. Несколько метров коридор шёл прямо, а потом изгибался влево, скрывая источник мерцающего света. Парень оглянулся по сторонам, а потом сделал шаг внутрь. В этот момент снова раздался крик, переходящий в вой. Дикий, наполненный болью и безумием. Из глубины пещеры к выходу метнулась какая-то тень. Кирилл в ужасе отпрянул, развернулся и тут же шлёпнулся на зад, ударившись о массивную фигуру высокого воина.

– Какого хера тут надо, сопляк?! – прорычал тот, ударив Кириллу в грудь ногой.

Парень распластался на спине, но тут же вскочил на ноги. В глазах его на мгновение потемнело от ярости – лёгкий отголосок эмоций, захлестнувших его в схватке с чудовищами, пробудился в мозгу, запустив реакцию. Воин, ударивший его, был на голову выше и вдвое шире в плечах. Кирилл прищурил глаза и слегка ссутулился, а когда громила потянулась, чтобы схватить его за шиворот, нырнул под руку и всадил тому кулак в печень. Гигант взревел. Огромные ручищи обхватили туловище парня и, оторвав от земли, крутанули в воздухе. Кирилл вылетел из пещеры и шлёпнулся наземь в нескольких метрах от входа, до крови ободрав бок и бедро. Пыхтя, как разъярённый бык, огромный воин нёсся прямо

на него. Кирилл сгруппировался и отпрянул в сторону, чудом сумев на считанные миллиметры разминуться с огромной сандалией, летевшей ему в лоб. Вскочил на ноги, тяжело дыша. Прохладный вечерний воздух со свистом входил в лёгкие. А вот внутри него, похоже, разгорался пожар.

В этот раз ноги не подвели и стояли твёрдо. Он сделал несколько мелких шагов, словно боксёр, кружащий вокруг соперника – благо, ноги в этот раз не заплетались, как у пьяного. Мозг взведённой пружиной просчитывал действия несущегося на него врага, сканируя движения его суставов, напряжение мышц. Челюсти громилы стиснулись, он рванулся вперёд, с силой оттолкнулся от земли. Кирилл бросился на землю перед противником и тот пронёсся над ним, ударив пятками в пустоту. Глаза пролетающего над ним словно в замедленной съёмке гиганта округлились от изумления, когда Кирилл, лёжа на земле, обеими ногами пнул его в поясницу. Здоровяк раскрутился в воздухе, беспомощно махая руками, и рухнул вниз головой. Земля содрогнулась. Кирилл вскочил на ноги, быстро оглянувшись на шум – к ним неслась толпа гладиаторов, размахивая факелами. Подбежав к дерущимся, воины окружили их, возбуждённо галдя. Здоровяк медленно поднялся, мотая головой. И вдруг резко прыгнул вперёд, сократив расстояние. Его кулачищи со свистом рассекли воздух, но удары, каждый из которых мог сшибить с ног быка, попадали в пустоту. Кирилл легко уклонялся, пристально глядя в глаза сопернику. Его губы

скривились в ухмылке – гладиаторы одобрительно галдели после каждого удачного финта.

Здоровяк, осознав свою неудачу, резко прекратил бешеную атаку и застыл, с ненавистью глядя на Кирилла. А потом медленно потянулся к поясу. Толпа замерла. Парень с удивлением рассматривал противника – огромного, мускулистого, с заросшей рыжеватыми волосами грудью. На его широком поясе не было никакого оружия – ни меча, ни даже кинжала или ножа. Громила запустил пальцы в кожаный карман на ремне и вытащил что-то, напоминающее маленький керамический пузырёк с горлышком. Поднёс его ко рту.

– А ну стоять!!! – в круг гладиаторов ворвался Марк. – Балу ты сдурел?! Убери это и возвращайся на пост! Кирилл, за мной! Всем разойтись!

Балу, злобно сопя, спрятал пузырёк обратно и, развернувшись, зашагал к пещере. Воины, виновато опуская глаза, расступались перед Марком, однако Кирилл, едва поспевавший за братом, мог поклясться, что поймал на себе несколько восхищённых взглядов. Дойдя до своего шалаша, Марк остановился, пропуская Кирилла внутрь первым, потом зашёл сам. Следом за Кузнецом в шалаш бочком просочился Оселок.

– Ты! – Марк метнул на интенданта хмурый взгляд. – Куда смотрел?

– Виноват, – вздохнул старшина, – не углядел.

– Марк, он не виноват, – вступился за Оселка Кирилл, –

я сам...

– Помолчи, – оборвал его брат.

– Марк, но я не понимаю...

– Вот именно, Кирилл! – Кузнец стиснул зубы, шумно выдохнув через ноздри. – Не понимаешь! Потому что это не дом. Здесь всё по-другому и всё слишком серьёзно, чтобы запросто совать свой нос туда, куда не следует.

– Дай парню освоиться, Кузнец, – проворчал старшина, насупив брови. – Он же ни сном, ни духом, что тут происходит. Ты молчишь, да и я ни-ни, как ты велел.

– Ладно, – вздохнул Марк, проведя ладонью по лбу. – Только сперва скажи, – он сел на помост, служивший кроватью, и повернулся к Кириллу, – какого чёрта ты полез в пещеру?

– Я просто проходил мимо, – Кирилл увидел. Что Марк успокоился и слегка приободрился, – потом услышал крик.

– Что??? – Кузнец вскочил на ноги? – Что ты сказал?!

– Кто-то кричал. Жутко, будто резал его кто-то.

– Дьявол! – Марк подскочил к Оселку и схватил того за руку. – Ты слышал?

– Не-е-е, – протянул старшина, глянув на Кирилла исподлобья.

– Кто там сейчас? В пещере.

– Фуражиры.

– Фуражиры??? Какого чёрта?!

– Они сами захотели...

Марк отпустил интенданта и тот, прихрамывая, отошёл в сторонку, потирая руку, в месте, где до сих пор виднелись следы от пальцев Кузнеца. Кирилл осторожно присел на край помоста. Брат подошёл и присел рядом, положив ему руку на плечо.

– Завтра ты встанешь в строй вместе с остальными. Делай как все, наблюдай и помалкивай. Пока. Пожалуйста.

Кузнец сжал его плечо и Кирилл, вздохнув, закрыл рот, сдержав готовый сорваться с языка поток вопросов.

***

Наутро он проснулся от холода за несколько минут до того, как в шалаш вошёл Оселок.

– Подымайся, малой, – старшина, усмехнувшись, кинул ему на грудь тонкий, очищенный от коры прут. – Вот, твоё оружие.

Кирилл, откинув шкуры, спрыгнул на землю, пружинисто присел пару раз, помахал руками, и, подхватив прут, вышел из шалаша, вслед за Оселком. Солнце, восходящее где-то за горной грядой, едва пробивалось сквозь молочного цвета туман. Гибкие, зелёные лозы, из которых были составлены шалаши, листья дикого винограда, камни, лежащие на плато, лоснились от росы. Кирилл поёжился, оглядываясь вокруг: выходящие из своих шалашей гладиаторы, так же потирали плечи, пытаясь согреться, у каждого из них был с со-

бой точно такой же деревянный прут. Это его приободрило. Парень потянулся, хрустнув позвонками, и, не удержавшись, ухмыльнулся во весь рот. Свобода движений, которой он был лишён всю свою жизнь... Ради такого многое стоило вынести.

Воины стягивались к центральной площадке плато, ускорялись, образуя кольцо, переходили на бег. Кирилл влился в общий поток, иногда бросая взгляды по сторонам. Молодые парни, уважительно расступились, давая ему место в строю. Кирилл изо всех сил сдерживал довольную улыбку. Это было восхитительно.

– По местам! – раздался знакомый голос.

Гладиаторы рассыпались по площадке, смешались в хаотичном движении и вдруг, словно по волшебству, казалось бы, неорганизованная толпа превратилась в строгие шеренги воинов, стоящих на определённом и абсолютно равном расстоянии друг от друга. А единственным элементом, выбивающимся из этого идеального порядка, оказался сам Кирилл. Парень нерешительно оглянулся по сторонам, а потом отошёл назад, встав последним в центральной шеренге. Невдалеке он заметил Оселка, вопросительно посмотрел на него, но старшина приложил палец к губам и указал в сторону возвышения, на котором показался Марк.

– Братья! – его голос разнёсся над площадкой, отражаясь от окружающих плато скал...

Тренировка длилась долго. Очень долго. Просто чертовски долго... С несложной очерёдно­стью движений он освоился достаточно легко. Парные «упражнения» были сложнее, но и с ними Кирилл разобрался ещё до полудня. Его прут двигался синхронно с пятнадцатью десятками других, таких же деревянных прутов, пронизывая стремительно на­гревающийся воздух, плетя вычурное кружево нереально медленной имитации смертельной битвы. «Медленно! Возмутительно медленно!» – вопил его мозг, сдерживая изо всех сил тело, жаждущее свободы. Каждая, даже самая мелкая из мышц требовала нагрузки, усилия, движения.

Укол, поворот, разрез. Укол, поворот, разрез... Солнце, зависшее над горами, палило немилосердно. Ручейки пота, струящиеся по вискам, затекали в уголки глаз, разъедая их. Кирилл, стиснув зубы, колол, накручивал невидимые кишки воображаемого врага на прут, который всё труднее и труднее было представить мечом. Несколько раз он быстро огляды­вался по сторонам, пытаясь рассмотреть следы раздражения на лицах гладиаторов. Однако не находил. Покрытые крупными каплями пота лица сосредоточенно смотрели вперёд. От филигранно точных движений воинов кружилась голова.

– Ката!

Голос брата звонким эхом метался меж скал. Работа в паре. Оселок, бывший партнёром Кирилла в этом изнурительном марафоне замедленного фехтования, едва заметно улы­бался Кириллу, подбадривая его.

– Стоп!

Шеренги застыли. Сзади Кирилл услышал какой-то шум и, не выдержав, обернулся. Двое гладиаторов, не участвующих в общей тренировке, тащили здоровенную бадью с водой и кружки, подавая их по очереди воинам. Те, дождавшись своей очереди, пили воду и снова застывали в стойке, положив прут на предплечье. Водоносы – щуплый, покрытый татуировками парень с хитроватым взглядом и суровый бородач, шириной плеч не уступавший гиганту Балу, молча сделали своё дело, напоив гладиаторов, и удалились. Кирилл с надеждой глянул на Марка, ожидая, что тот, наконец, объявит окончание абсолютно бессмысленной, по разумению Кирилла, тренировки. Кузнец, отказавшийся от воды, вскочил на камень, медленно окинул взглядом шеренги бойцов, и удовлетворённо кивнул.

– Ката!

Чудовищным усилием воли, Кирилл подавил готовый сорваться с его губ вздох разочарования и досады. Прут скрипнул под пальцами, сжавшимися в кулак. А потом все полторы сотни «клинков» медленно, возмутительно, невыносимо, чертовски медленно прокололи воздух, повернулись и скользнули в сторону, вспарывая невидимые животы.

***

Кашеобразное, бугрящееся комками варево, которое

гладиаторы по очереди черпали самодельными ложками из больших котлов, показалось Кириллу невероятно вкусным. Возможно, дело было в непривычно жадном аппетите выздоровевшего тела, требовавшего значительно большего количества калорий. А может быть и просто в мастерстве поваров. Тех самых парней, которые притащили им воду на плато. Насытившиеся гладиаторы довольно хлопали их по плечам. Тощий радостно скалился и отвечал на шутки, здоровяк по большей части отмалчивался.

– Останешься тут, парень, – сказал Кириллу Оселок, облизывая свою ложку и довольно щурясь при этом.

Кирилл открыл было рот, пытаясь протестовать, но старшина опередил его:

– На первый раз тебе хватит. Тут без привычки тяжковато. Особенно, когда не понимаешь, на кой все эти танцы, – он усмехнулся и спрятал ложку за пояс. – Помоги Фоме с Запеканкой.

– С чем? – изумился Кирилл. – С какой еще запеканкой?

– Не с чем, а с кем, чудак, – хмыкнул Оселок. – Видишь тех парней?

Кирилл посмотрел в сторону, указанную старшим товарищем. Двое поваров тащили горки куда-то за камни.

– Ну.

– Это Фома и Запеканка, они кухарят тут. Помоги людям с посудой. Мыть горшки не самая приятная работа, знаешь сам, поди. А ты вроде как новичок тут. Положено. Вро-

де как...

Кирилл послушно поднялся на ноги. К нелепой тренировке он, пожалуй, возвращаться хотел ещё меньше. Отдав свой прут Оселку, он поспешил за поварами, уже успевшими скрыться из вида.

– Ого! Ты только глянь, Запа, кто явился! – тощий повар, сидя на корточках у весело журчащего ручейка и жмурясь от солнца, ухмыльнулся во все тридцать два ослепительно белых зуба. – Это ж Кузнец-младший собственной персоной! Здорово, малый! Тебя чё, Ослик прислал?

– Оселок, – хмуро поправил его здоровяк, сосредоточенно вычищая пучком травы большой котёл изнутри.

– Ну, ясно дело, Оселок. Чего бурчишь? Всё равно старый чёрт не слышит. Ты ж меня не выдашь, а, Младший?

Кирилл, пожал плечами. Вообще-то старшина ему нравился, но, похоже, тощий шутил совершенно беззлобно. Он подошёл поближе и присел рядом.

– Фома! – тощий протянул ему руку, покрытую на редкость бестолковыми наколками.

– Кирилл, – парень пожал протянутую руку.

– Не, давай без имён, – мотнул головой Фома. – Тут это не принято. Младший – само то! А это Запеканка, – он мотнул головой в сторону здоровяка, который молча кивнул в ответ, не отрываясь от работы.

– Я вообще-то думал, что наоборот... – пробормотал Ки-

рилл и тут же, спохватившись, замолчал.

Однако, тощий Фома, которому прозвище Запеканка действительно подходило куда больше, заливисто расхохотался, как будто в жизни не слышал более остроумной шутки.

– Ха-ха-ха! Ты слышал, Запа? Ты, оказывается, похож на Фому больше! Ток на Фому неверующего. А чё, может и правда твоя, Младший! Запа и вправду никому не верит. Ну, кроме меня, ясное дело. А ещё он ни хрена не понимает шуток! Ха-ха-ха!

Бородач, вздохнув, сплюнул в сторону и, отбросив в сторону грязный пучок травы, которым мыл котёл, взял чистый, заранее приготовленный. Кирилл присел рядом и тоже нарвал себе большой пук жёсткой желтоватой травы, больше похожей на проволоку. Запеканка подал парню один из котлов, и Кирилл принялся тереть его изнутри, отскребая пригоревшие комки рагу. Вода в ручье, несмотря на жару, была ледяной и пальцы Кирилла уже через минуту онемели.

– Ты чередуй, старичок, – подмигнул ему Фома, – изнутри травкой потёр маленько, потом снаружи песочком!

– Не называй меня так, – нахмурился Кирилл. – Так меня называл один... урод.

– Рыжее мудило? – лицо Фомы стало злым. – Известен нам это тип, да, Запа?

Кириллу показалось, что котёл в руках бородача скрипнул как-то особенно жалостно.

– Знаете его? Кастета?

– Ты три давай, – пробурчал здоровяк.

– Ага, извини, Младший, – серьёзно произнёс Фома. – У нас тут у всех есть вопросы к этому Кастету. Но ты и вправду, чередуй! – он снова ухмыльнулся. – Пальцы согреются!

Какое-то время все молча тёрли посуду, по очереди окуная котлы в воду в месте небольшого углубления, как показалось Кириллу, искусственно вырытого в земле специально для этих целей. Кирилл не выдержал первым.

– Давно вы тут? – спросил он.

– Я где-то год. Запа подольше.

Кирилл удивлённо поднял голову. Лагерь не казался длительно обжитым.

– И вы целый год живёте в шалашах?

Фома хрюкнул от смеха, булькнув внезапно показавшейся из носа соплёй, тут же втянул её, шмыгнув носом, отхаркнул и далеко выплюнул зеленоватый сгусток.

– Не, чудак-человек, тут мы всего пару месяцев, – ответил он, ничуть не смутившись.

– А раньше?

– А чё раньше, тебе Кузнец нехай сам расскажет.

– Ладно, – Кирилл показал Запеканке вычищенный котёл. Тот одобрительно кивнул и подал следующий. – А что это за странные упражнения? Какой-то... балет...

– Балет? – Фома ухмыльнулся, переглянувшись с здоровяком, который неодобрительно покачал головой. – Чё, не понравилось?

– Ну, я не особо разобрался. Просто как-то дико это, когда столько здоровых с виду парней машут волшебными палочками. Как какие-то... пуффендуйцы...

– Кто?! Ах-ха-ха! – зашёлся в хохоте тощий. – Пуфф... пуфф... финдуйцы! Ты слышал, Запа??? Ах-хаха! Охх... – он вытер слезящиеся глаза. – А кто это такие, а, Младший?

К удивлению Кирилла, первым ответил здоровяк.

– Это из «Гарри Поттера». Ученики одного из факультетов Хогвартса. – Запеканка едва заметно усмехнулся в усы. – Не самого крутого факультета.

– Не самого крутого, говоришь? – Фома повернулся и картинно отбросил в сторону пучок грязной травы. – Ты, Младший, просто не всё видел.

– Может, и хорошо, что не видел, – перебил его внезапно помрачневший здоровяк.

– Запеканка не любит эту тему, – Фома продолжал ухмыляться, но уже как-то неестественно. – Потому мы вечно в поварях и ходим.

– А почему не любит? – спросил Кирилл.

– А ты у брательника и спроси. Хотя не, – тощий помрачнел. – Не надо. Тут вопросы Кузнецу не принято задавать.

– Почему?

– А потому что, если бы не он, все мы до сих пор были бы в той чёртовой заднице, – неожиданно эмоционально проговорил Запеканка. – А что до этих танцев, то мне не нужна та херня. Как дойдёт до дела, я и так справлюсь.

Кирилл, так ничего и не понявший, на всякий случай решил не развивать тему, а при случае расспросить Марка. Было очевидно, что в здесь готовились к войне. Но расспрашивать об этом у его обитателей, ему, только что прибывшему в лагерь... В романах, которые он читал в детстве такие расспросы обычно заканчивались плохо.

– А что это за овощи? – он ополоснул котёл в воде и принялся за следующий.

– Что, вкусно было? – вновь расцвёл Фома. – Это всё Запеканка – чёртов гений кулинарии! Эх, ты не пробовал ту жратву, что этот шеф-повар готовил, когда фуражиры привозили мясо!

– Фуражиры? – Кирилл вспомнил вечерний разговор Марка с Оселком.

– Ну, а как ты думал? Такую ораву кормить надо. Без фуражиров никак. Сейчас, правда, не знаю, как будет.

– А что такое?

Фома задумчиво почесал тощий живот. Потом как-то совершенно естественно откинулся на траву, прислонился спиной к камню, предоставив Кириллу и Запеканке самим дочищать оставшуюся посуду.

– Есть у нас тут такая троица. Странноватые... Парни особо их не любят, а Запеканка так вообще на дух не переносит. Да Запа?

Здоровяк не ответил, сосредоточенно растирая песком внешнюю сторону котла.

– Короче, после того как мы сбежали и обосновались тут в горах, встал вопрос с обеспечением. Продовольствие, одежда, мечи, всё такое. Эта троица тут же вызвалась. Кузнец, похоже, не особенно надеялся на них, но всё же отпустил. Наверное, надеялся, что не вернуться... – Фома сунул в рот травинку. – А те возьми, да и явись через пару дней. С лошадьми, оружием. Жратвы притащили много. Оружие пригодилось уже скоро – Псы разузнали про лагерь и сунулись небольшим отрядом...

– И что? – Кирилл застыл с котлом в одной руке и пучком травы в другой.

– Что-что... – и мечей у нас стало ещё больше, – хмыкнул тощий.

– Псы – это местные солдаты?

– Типа того.

– И они больше сюда не сунутся?

– Размечтался!

– Ясно, – Кирилл снова принялся тереть котёл. – Так что с фуражирами?

– Ну, что-что... С месяц они ещё ездили по округе. А потом вдруг пропали. Как в воду канули. Вот мы и давимся какой-то репой уже неделю.

– Я слышал, что эти ваши фуражиры теперь у того здорового, с которым я вчера подрался.

– Что? – подхватился Фома, выплюнув травинку. – Они у Балу? Вот дерьмо! Ты слышал, Запа?

Запеканка хмуро покачал головой, опустив могучие плечи.

– Нда... – тощий поднялся и стал собирать котлы, вставляя один в один.

– Кстати, а кто такой этот Балу?

– Спроси у Кузнеца, – мрачно бросил ему Фома.

От его весёлости не осталось и следа. Он подхватил котлы и потащил их к лагерю. Запеканка молча похлопал Кирилла по плечу и последовал за ним.

– Я бы спросил, – задумчиво пробормотал Кирилл. – Так у вас же тут не принято задавать ему вопросы.

***

– Прежде чем ты начнёшь, скажи, это был тощий рыжий ублюдок?

– Да.

– Хорошо, – процедил сквозь зубы Марк, хотя стальной блеск его глаз говорил об обратном. – Как мать?

– Нормально, жива-здоровая.

– Хорошо, – повторил Марк, и на этот раз лицо его действительно стало чуть добрее. – Ладно. А теперь давай с самого начала подробно, о том, как здесь оказался, и вдвое подробнее о том как..., – он кивнул на ноги Кирилла, – как исцелился.

Кирилл рассказал. На этот раз, не утаивая ничего: о про-

исшествии в Полоцке, дурацком расследовании, которое привело его в Минск, а дальше на больничную койку. О байках Кастета, о его рассказе про Сибирь и смерть их отца, Ковалёва-старшего (в этот момент Марк стал мрачнее тучи), о странном напитке, распалившем его чувства к Веронике, о кошмарной сделке, которую он заключил, чтобы её спасти. Марк не перебивал, молча всматриваясь в раскалённые угли костра, разведённого возле его личного шалаша. Остальные гладиаторы держались поодаль. Один раз к ним приблизился Оселок, но перехватив тяжёлый взгляд своего предводителя, поспешил удалиться к другим кострам.

Кирилл продолжал. Во время рассказа о путешествии с шайкой фальшивых артистов, Марк заинтересованно кивал головой. Заметно напрягся, когда Кирилл рассказал о серебряном потоке, которого тот сперва коснулся, а потом вдохнул.

– Как ты догадался? – впервые перебил Кирилла брат.

– О чём?

– Вдохнуть его.

– Так сказал фокусник.

– Кто?

– Кейри Тель. Он прибил к нашему каравану. Ты знаешь, а он говорил на нашем языке! А ещё, он говорил... что встречался с людьми из нашего мира. Ты знаешь его?

– Возможно... – Марк подбросил в костёр несколько веток. – Что было дальше?

– Дальше? – Кирилл нахмурился. – Какая-то чертовщина. На караван напали. Бандиты, превратившиеся в каких-то чудовищ, какая-то мерзкая жижа со щупальцами... Я плохо помню... Вероника кричала, и они отступали, а я... я бил эту дрянь цепью... А потом... потом не помню.

Они помолчали, глядя, как языки огня, вострепнувшись, принялись лизать сухие ветки, выросли, полыхнули вверх, с треском выпустив в небо, покрытое неизвестными на Земле созвездиями, сноп искр.

– Скажи, как ты узнал, где я?

– Почувствовал, – чуть заметно усмехнулся Марк.

– Как тогда, за гаражами?

– Да, как тогда.

– Хорошо, – кивнул Кирилл. – Теперь твоя очередь.

Несколько минут Марк молчал, всматриваясь в угли, которые, казалось, ожили. Они переливались, ярко мерцая от малейшего дуновения ветерка, становясь то кроваво-красными, то ослепительно оранжевыми. Жар, накопленный в глубине толстых поленьев, жадно ловил любое движение воздуха, нетерпеливо облизываясь небольшими язычками пламени, то тут, то там пробивающимися между углей. Готовый к такой паузе, Кирилл потянулся к кучке сухих дров, сложенной рядом и, выбрав полено средней толщины, бросил его в костёр. Тот на мгновение потемнел, притаился, словно хищник, оценивающий силу внезапно появившегося противника, а потом моментально ярко вспыхнул, об-

хватив огненными щупальцами сухое дерево. В углях громко треснуло, и костёр выплюнул новую порцию искр, рассыпавшуюся над ними огненной гроздью. Кирилл, подняв голову, проследил за огоньками, которые, прогорев и превратившись в практически невесомые хлопья золы, медленно опадали на землю.

– Это было третьего июля, – Марк сдул с плеча сгоревшие крошки и отмахнулся от одной, ещё пылающей. – Ты тогда ещё не захотел идти смотреть салют, помнишь?

Кирилл молча кивнул, слегка улыбнувшись. Вообще, салюты ему нравились, но в тот день он и вправду отказался. По телеку шёл Форт Боярд, а променять любимое телешоу на какой-то там салют он никогда бы не согласился, тем более что из окна было и так всё хорошо видно.

– Я уже возвращался домой, когда этот рыжий подкатил. Спросил, я ли Марк Ковалёв. А потом, – Марк на секунду закусил губу, – потом передал привет... от отца.

– Что-о-о?! – встрепенулся Кирилл. – Он же...

– Я знаю, – перебил Марк. – Этот урод сказал, что он жив. Что мать придумала эту байку для нас и соседей, а отец на самом деле сидит.

– Сидит? – прошептал Кирилл.

– Вернее сидел. В Сибири. А потом сбежал и скрывался там несколько лет. А теперь они, мол, вернулись и хотят уйти через Карпаты в Венгрию. Но перед этим отец захотел увидеть своих, а Кастета послал передать весточку.

– Но почему ты ничего не сказал?!

Марк отвел взгляд.

– Сказал бы. Если бы это оказалось правдой.

– Как это произошло?

– Мы пошли на какую-то хату. Эта тощая сволочь суетилась, молола всякую чушь. А потом он вытащил бутылку с каким-то пойлом и предложил выпить по чуть-чуть, перед встречей.

– И ты выпил?

Марк насупился.

– До сих пор не понимаю, как я согласился. Он наплёл такого... Что отец порезанный весь, что, мол, ничего страшного, если я испугаюсь, того, что увижу. Что отец, конечно, всё поймёт. Но... А потом он сам первый выпил. Прямо из горлышка.

– Я понимаю, – прошептал Кирилл. – Что было дальше?

– Не помню. Я приходил в себя от того, что мне в рот заливали эту дрянь. А потом очнулся. Уже тут.

– В горах?

Марк бросил на него мрачный взгляд.

– Не совсем.

В глубине лагеря слышался какой-то шум. Кирилл обернулся. Массивная фигура стремительно приближалась к ним. Костры, мимо которых проходил гигант, освещали его могучую фигуру то с одной стороны, то с другой. Глаза воина, которого Марк назвал Балу, сверкали мрачной злобой

из-под насупленных бровей, огромная дубинка зловеще качалась на плече в такт шагам. Кирилл подхватился, подтянул ноги, готовясь вскочить, но Марк жестом велел ему оставаться на месте. Откуда-то сбоку из темноты вынырнул Оселок, схватил Балугу за руку, но тот отмахнулся от лагерного старшины как от моли. Оселок, едва не шлёпнувшись на задницу, отпрыгнул в сторону, бормоча ругательства. Гигант приблизился, остановившись в нескольких шагах от их костра.

– Кузнец, – прорычал он.

– Балуга? – спокойно ответил Марк.

– Собирайся!

– Ты уверен?

Глубоко посаженные глаза гиганта сверкнули из-под густых бровей едва сдерживаемой яростью. Он громко засопел, раздувая ноздри.

– И не забудь меч, Кузнец, потому что в этот раз мы точно выпустим тебе кишки!

– Ну что ж, – Марк потянулся. Повёл плечами, отчего суставы его громко захрустели.

– Что происходит? – Кирилл, насупившись, слегка подался назад, так, чтобы в поле его зрения был и брат, и злобный воин.

Балуга не обратил на него никакого внимания, а вот Марк слегка повёл головой в его сторону. На мгновение Кириллу показалось, что губы старшего брата скривились в горькой усмешке.

– Оставайся тут, – Марк лёгким движением поднялся на ноги. – Тебя это не касается.

Кровь ударила Кириллу в голову, ярость ожгла мозг, словно склянка с кислотой, лопнувшая внутри черепа. Брат считает его трусом?! Он вскочил на ноги, сжав кулаки до христа, двинулся навстречу гиганту. Серебристый поток первородной Силы, живущий внутри него, ожил, мгновенно превратив кровь в бурлящий раствор, наполнивший мышцы мощью. Балу зарычал, сдёрнул с плеча дубину, сжав её кулачищами размером чуть ли не с Кириллову голову. Парень ринулся вперёд. Но тут же с криком отпрянул, свалился на спину, ухватившись за грудь, таращась ничего не понимающим взглядом на ладонь брата. Марк не ударил его, нет – просто остановил, выставив ладонь, и этим лёгким с виду касанием едва не вышиб из него дух.

– Марк? – прохрипел Кирилл.

– Не Марк, а Кузнец, – стального цвета глаза Марка гневно сверкнули. – Я велел тебе оставаться на месте.

Слова, готовые сорваться с губ парня, вдруг замёрзли на языке. Он увидел, как воздух, окружающий брата, расслоился на потоки разной плотности, кружащиеся над его могучей фигурой. Потоки были везде: у костров, над шатрами, но над братом они словно обезумели. Словно притянутые неведомой силой, они обвивали Марка, струились по его плечам, обвивали торс и бёдра. Кирилл, не отрываясь смотрел на ещё один маленький воздушный ручеёк. Тонкий, по-

движный, он юркой змейкой то выскальзывал изо рта его брата, вместе с дыханием, то снова исчезал, втянутый в лёгкие. Волшебный воздушный ручеёк, как близнец похожий на тот, что вдохнул в себя Кирилл. Только не серебристый, а чёрный. Абсолютно чёрный.

Марк молча смотрел на него ещё несколько секунд. Потом повернулся к гиганту, и, нагнувшись, подхватил с земли меч.

– Идём, здоровяк. И да помогут вам все боги и дьяволы этого грёбаного мира, если ты ошибся.

Воин, запрокинул голову вверх.

– Зверь!!! Новый зверь пришёл!!! – заорал он, вскинув дубину вверх.

Лагерь тут же ожил, наполнился шумом, возбуждёнными криками, лязгом оружия. Балу резко развернулся и зашагал обратно, по направлению к пещере. Марк, держа меч на предплечье, словно ребёнка, направился вслед за ним. Гладиаторы оставляли свои костры и, прихватив клинки и массивные деревянные щиты, присоединялись к своему предводителю. Вскоре собралась огромная, шумная толпа. Кирилл разглядел в ней сутулую спину Оселка и бросился вслед. Догнал, ухватил за руку.

– Ты чего, малой? – обернулся тот.

– Что здесь творится?

– Что-что... новые быки народились, вот что, – проворчал тот. – Теперь пойдут дела. Ох, пойдут...

– Быки?! Какие ещё быки? Что за чертовщина?

– Пошли, сам увидишь, – Оселок повернулся и пошёл вслед за всеми, слегка прихрамывая. – Давай-давай, – он, не оборачиваясь, махнул рукой Кириллу. – Сейчас начнётся.

***

У пещеры, на том самом месте, где Кирилл несколько часов назад схватился с Балу, собрались гладиаторы, глядя словно стая школьников у дверей столовой. Марк прошёл в центр толпы и остановился, громила прошёл дальше и встал у входа в пещеру.

– Круг! – резко скомандовал Марк.

Толпа расступилась в стороны, воины образовали круг диаметром метров в шесть, с проходом со стороны пещеры.

– Щиты!

Гладиаторы с силой вдавили прямоугольные щиты в сухую глину, образовав подобие арены. Кирилл, с трудом протиснувшийся поближе к кругу, заметил, что гладиаторы, стоявшие там, где круг прерывался, заметно нервничали, то и дело оглядываясь назад, на тёмную дыру в скале и стоящего рядом с ней Балу. Один из воинов прошёл внутрь круга и, подав Марку небольшой круглый щит, торопливо покинул арену.

– Я ждал этого! – прокричал Марк, взглянув в глаза окружавшим его гладиаторам. – Мы все ждали этого! Времени, когда нам больше не придётся скрываться в горах, слов-

но стаду овец.

Воины зашумели.

– Тихо! – он вскинул кулак вверх. – Я знаю, что вы не овцы. Я знаю, что каждый из вас готов биться до последнего, чтобы отомстить мерзким тварям, лишившим нас всего, что у нас было, – он медленно повернулся лицом к скале и поднял щит к груди. – Но мне нужно кое-что большее. Балую?!

Громила ощерился в ухмылке и, развернувшись, скрылся в пещере.

– Зверь! – Марк ударил мечом о щит.

– Зверь! – глухо выдохнули воины вокруг Кирилла, ударив кулаками в себе в грудь.

– Зверь, зверь! – сотня сильных мужчин, сжав заскорузлые пальцы в тяжёлые кулаки, принялась ритмично бить себя в грудь.

– Зверь!!! – заорал Марк и из пещеры донёсся жуткий вой.

– Зверь, зверь!!! – скандировали гладиаторы, лупя кулаками всё сильнее.

Кирилл не мог себе представить, что звук ударов о грудь может быть таким громким и жутким.

– Зверь!!! – орали рядом с ним молодые гладиаторы, не спуская горящих глаз с тёмной дыры в скале.

Вой из пещеры сменился рёвом. Стоявшие у скалы воины вздрогнули и едва не уронили щиты. Марк отпрыгнул назад, встав в стойку, закрылся щитом, отведя руку с мечом назад. И в этот момент из пещеры выскочил монстр. Вздох ужаса

пронёсся по кольцу воинов. Удары кулаками о грудь прекратились, все молча смотрели в центр арены, куда направилось существо.

И всё же это был человек. Огромный, голый, в одной набедренной повязке. Его кожа была покрыта потрескавшейся серой коркой, лысая голова бугрилась шишками, руки, раздутые от мышц чудовищного размера, доходили чуть ли не до колен, могучие ноги с икрами, похожими на тыквы, напоминали столбы. Что-то с глухим звоном шлёпнулось ему под ноги. Меч и щит, такие же, как те, что держал Марк. Чудовище глухо зарычало и подняло оружие. А потом резко бросилось на Кузнеца.

Ручища монстра описала дугу, со свистом вспоров мечом воздух в том месте, где мгновение назад была голова Марка. Гладиатор ушёл от удара, пригнувшись и отпрыгнув в сторону. А в следующий момент едва не лишился руки. Чудовище с нечеловеческой быстротой развернулось и ударило вновь сверху вниз по диагонали. Марк отпрянул назад, на мгновение раскрылся, и не успел поднять щит. Его противник и не думал прерывать атаку – его щит с оглушительным хрустом ударился в грудь Кузнеца. Удар съёс гладиатора словно пушинку. Пролетев несколько метров, он врезался в щиты окружающих арену воинов. Кирилл ахнул – удар такой силы должен был вышибить из брата дух, превратив рёбра в кровавое месиво. Однако тот тут же вскочил на ноги, подхватил обронённый меч и бросился в атаку.

Сталь яростно клевала сталь, плюясь раскалёнными искрами по сторонам. Ухнув, сошлись, затрещали щиты. Монстр рычал, нанося удар за ударом, блокируя, отбивая меч Марка, который, обнажив зубы в хищном оскале, метался по арене, то яростно атакуя чудовищного противника, то отбивая его стремительные контратаки. Кирилл, непонятно каким образом оказавшийся в первых рядах, мёртвой хваткой вцепился в верхний край щита, пожирая взглядом схватку, не в силах отвести глаза от брата и его соперника. Его взведённый как пружина мозг фиксировал каждый удар, замах, поворот тела, положение ног Марка, разлагая смертельно-опасный танец на мимолётные детали, составляющие технику бойца, в то время как сердце неистово рвалось наружу, колотилось, грозя выломать грудную клетку изнутри. Монстр рванулся в очередную атаку. Край его щита врезался в щит Кузнеца, соскользнул вверх и ударил Марка в скулу. Гладиатор отпрянул назад, тряся головой. Чудовище взвыло и ударило мечом снизу, проткнув Кузнецу бедро. Толпа ахнула. Монстр взревел, вырвав меч, бросился на противника и вдруг застыл, запнувшись. Его плечи поникли, голова свесилась вниз, он сделал шаг назад, потом ещё один. Чёрная жидкость, толчками вытекающая из раны в животе, брызнула на песок. С глухим ударом на землю рухнул щит, монстр упал на колено. Марк, с трудом поднялся, коротким ударом выбил из руки противника меч.

– И это зверь?! – Кузнец, скривившись от боли, пнул про-

тивника в грудь, и тот опрокинулся назад, раскинув ручки. – И это твой зверь, Балу??? – Марк протянул свой, покрытый дымящейся чёрной кровью поверженного чудовища меч по направлению к здоровяку, стоящему у края пещеры. – Мне! Нужно! Нечто! Больше!!!

Воины, окружающие арену, заорали во всю глотку, вскинув вверх руки со сжатыми кулаками. Запах смертельной битвы, витающий вокруг, пьянил, кружил голову, заставляя кровь вспениваться адреналином. Кирилл чувствовал всеобщее возбуждение. Оно накрывало волной, но почему-то тут же откатывалось от него, как от утёса, упрямо противостоящего прибою. Он чувствовал тревогу. Что-то было не так. Неправильно. Нелогично... Чудовищное порождение магии этого мира повержено. Марк одержал победу. Только... Почему глаза брата сверкают от ярости и раздражения? Почему ухмыляется, не обращая внимания на ликование остальных гладиаторов, Балу? Почему кровь, вытекающая з раны монстра такая чёрная?! Почему она дымится?! Что за тени появились в глубине пещеры?! Что это за рёв?! Почему поверженный монстр пошевелился??? Почему его пальцы сомкнулись на рукояти меча??? Почему...

– Ма-а-а-арк!!! Марк, сзади!!! – заорал Кирилл, вскинув руку в направлении пещеры.

Двое человекообразных чудовищ выскочило из пещеры и, утробно рыча, ринулось к центру арены. Одно из них по пути вырвало из рук воина, стоящего в кругу, прямоугольный

щит, в лапу другому сунул дубину Балу. Марк заметил опасность и, пригнувшись, стал отступать, прикрываясь щитом. Поразительно, но рана от меча на его бедре практически не кровоточила. Толпа стихла. Сотни глаз не отрываясь следили за монстрами, ворвавшимися в круг. Те ударили сходку, не тратя времени на манёвры. Щитоносец – огромный и бородастый – попёр как бык, тесня Кузнеца, в то время как его напарник – гигант со шрамом на отвратительной роже и с одним, широко распахнутым глазом, размахивая дубинкой, пытался разmozжить их общему со щитоносцем противнику голову. Марк отбивался от ударов дубины, но бородач не давал ему возможности маневрировать. Тогда гладиатор, резко развернувшись, вдруг прыгнул, двумя ногами ударив в щит. Бородач, разгадав манёвр, упёрся ножищами в землю, но Марк, оттолкнувшись от щита ногами, обрушился на одноглазого, сшибив того с ног. Монстр заревел, когда наверхие меча Кузнеца врезалось ему в единственный глаз. Марк отпрянул в сторону, спасаясь от ударов дубины, которой одноглазый стал слепо молотить направо и налево, и тут чудовищная ручища, согнутая в локте, обхватила его за шею, взяв в мёртвый захват. Лысый монстр, поверженный первым, поднялся, как ни в чём не бывало, и Кузнец попался в его ловушку. Бородастый отбросил свой щит и с рёвом всадил кулак Марку в живот. Меч выпал у того из руки и с жалостным звоном ударился о землю. А в следующее мгновение в круг ворвался Кирилл.

Одноглазый, с явным усилением разлепив свой заплывший от удара Марка глаз, похоже, просто уловил движение и махнул дубиной. Кирилл, не снижая скорости, увернулся от удара и пнул его в колено. Громко хрустнуло, одноглазый завизжал и, уронив дубину, упал на землю. Кирилл нырнул вперёд между лысым и бородачом, кувыркнулся через голову и тут же вскочил, сжимая в руке меч брата. Его мозг словно губка впитал и проанализировал увиденное сражение, а теперь отключился. Наполненное бурлящей силой тело делало всё само.

Парень прыгнул на образующие круг щиты, оттолкнулся ногами и впечатал наверх лысому в темя. Отпрянул в сторону и рубанул по плечу. Лысый взвыл и выпустил Марка. Краем глаза Кирилл увидел движение, машинально пригнулся и кулак бородач просвистел в воздухе в сантиметре от его головы. Парень крутанулся на пятках и всадил лезвие гладиуса бородачу в ключицу. Тот взвыл, зажимая пальцам хлещущую из тела чёрную жижу. Кирилл выпрямился, перехватил рукоять меча. Его монстроподобные противники застыли в нерешительности, опешив от неожиданной атаки. Три мощных удара, и он прикончит тварей. Спасёт брата. Три точных движения... Левая нога подвернулась. Кирилл потерял равновесие, но тут же выровнялся, взмахнул мечом – клинок, почему-то стал неожиданно тяжёлым, словно кто-то перехватил его и стал выворачивать из внезапно ослабевших пальцев. Он мотнул головой, чтобы посмот-

реть, кто там посмел хватать его за меч, но площадка, на которой столпились воины, неожиданно пришла в движение. Кольцо из щитов приподнялось, закружилось, ввинчиваясь в небо словно карусель «Сюрприз» в парке. Что-то ударило его по затылку. Он с удивлением понял, что это лежит на спине. Последним, что он запомнил, перед тем как окончательно отключиться, было бездонное тёмно-синее небо, в котором ярко светились четыре разноцветные луны.

***

Синий, желтый, зеленый...

Синий... желтый... зеленый...

Синее небо, желтое солнце, зеленое море. Синее небо... желтое солнце... зеленое море... Пахло дымом и нечистотами. Он слушал шорохи вокруг, не решаясь пошевелиться. Страх того, что его тело утратило способность двигаться с лёгкостью, того, что живительный воздушный ручеёк, живущий в его теле, навсегда испарился, сковал мышцы. Синий, жёлтый, зелёный... Или нет? Может быть Жёлтый, зелёный, фиолетовый голубой? Цвет лун этого безумного мира... Жёлтый, зелёный, фиолетовый...

– Кирилл?

Он шумно всхлипнул, резко вдохнув спёртый воздух и сел, протирая глаза. Спустя мгновение осознал, что руки всё так же сильны, а пальцы подвижны, и с облегчением вы-

дохнул.

– Как ты себя чувствуешь?

Марк сидел напротив, упираясь спиной о каменную стену. Кирилл осмотрелся – они были в пещере, освещённой единственным закреплённым в стене факелом.

– Где мы? – он с трудом проглотил сухой комок и закашлялся.

Марк поднялся и подал ему кувшин.

– Вот попей.

Кирилл с наслаждением сделал несколько глотков. Вода была холодной и немного отдавала железом.

– Что здесь происходит, Марк? – он оторвался от кувшина, протянул его обратно, но Марк уже отошёл и снова приклонился к стене. – Где те твари, ты убил их?

Кирилл оглянулся, ища, куда бы поставить кувшин, и вдруг застыл, лишившись дара речи – его ноги сковывали кандалы. Два железных кольца обхватывали его лодыжки. Цепь, соединяющая их, была продета в кольцо, от которого к стене тянулась ещё более толстая ржавая цепь, с металлическим костылём, забитым в камень на другом конце.

– Убил? – задумчиво произнёс Марк, глядя куда-то поверх головы брата. – Нет, что ты, мне нельзя их убивать.

– Марк, зачем эти кандалы?! – Кирилл попытался вскочить на ноги, но снова рухнул на землю, звеня цепями. – Что за шутки?!

– Ты спрашивал, где я очнулся, оказавшись тут? – брат

словно не слышал его. – Нет, это были не горы. Это был каменный подвал. А может быть подземелье какой-то тюрьмы. Каменный мешок без окон. Там не было света, зато были железные крюки, свисающие с потолка.

Кирилл притих, прекратив попытки сбросить железные кольца с ног. Глаза брата смотрели мимо него, неподвижно уставившись на стену. Марк словно погрузился в транс.

– Они висели там длинными рядами. Голые, грязные, потные, как свиные туши. Оселок, Запа, Балу...

Марк поднял руку, заведя ладонь за голову.

– Видишь?

Кирилл присмотрелся – от подмышки и ниже по телу брата виднелось множество неглубоких шрамов.

– Знаешь, как производят опиум? Головки мака аккуратно надрезают, а потом собирают выступившее молочко – сырьё для будущего наркотика, – Ноздри Марка дрогнули, губы гневно скривились. – Их резали так каждый день! – Марк резко опустил руку, с размаху ударив кулаком о другую ладонь. – Каждый чёртов день эти суки сцеживали человеческую кровь!

– Зачем? – прошептал Кирилл.

– Зачем? – вскинул голову Марк. – Как ты думаешь, зачем мы здесь? Зачем эти твари тащат с Земли через свои херовы порталы здоровых мужиков? Мы нужны им как скот! Как грёбаный мак на их мерзких грядках.

– Но зачем им тащить сюда людей? Кто они – эти твари,

про которых ты говоришь?

– Мертвецы, – оскалился Марк. – Теперь уже мертвецы. Все, кто касался моих братьев.

– Это был концлагерь? Тот, о котором говорил мне фокусник? Марк, я всё могу понять. Если кто-то обращался с тобой и твоими... братьями так плохо, я уверен, что они заслужили то, что ты с ними сделал! Но, пожалуйста, ты можешь, в конце концов, объяснить мне какого долбаного хрена здесь происходит??? – к концу своей тирады Кирилл уже не говорил, а орал, сжимая кулаки.

– Я – твой родной брат, если ты забыл. И то, что ты и твои друзья тут оказались вовсе не моя... – он вдруг осёкся, чувствуя, как невидимый обруч сжал ему горло, мешая вздохнуть, – ...вина, – беззвучно прошептали его губы.

– Дошло? – Марк невесело усмехнулся.

– Но я же не виноват... Ты же понимаешь это?

Марк промолчал, хмуро смотря куда-то в сторону. Кирилл почувствовал, как кровь, прилившая к голове, стучится пульсом внутри его черепной коробки. Неужели все эти люди попали сюда из-за него? Из-за дурацкого конфликта за гаражами, во время которого внутри его пробудилось нечто, так необходимое Кастету и его грёбаной колдовской кодле. Неужели все эти люди, включая Марка оказались тут только потому, что он был всего лишь жалким калекой? Калекой, которого даже заподозрить нельзя в чём-то этаком...

– Что они делали с вами? – проглотив комок, еле слышно

спросил он.

– Цедили кровь. По каплям. Постоянно, день за днём. Сутками. Неделями.

– Для чего?

– Не знаю. Не важно, – Кузнец встал и покрутил головой, хрустнув шейными позвонками. – Какое-то колдовство. В этом мире, как ты уже заметил, уйма необъяснимой с нашей точки зрения дряни.

Он прошёлся по пещере, остановился у выхода.

– Я потерял много времени, Кирилл, пока тебя искал. Псы вот-вот нападут – разведка засекала их лазутчиков. Мы славно пустили им кровь несколько месяцев назад, и ответный удар неизбежен. Но только сейчас у меня есть, чем их удивить!

– Марк, ты что, серьёзно задумал устроить тут войну? – изумлённо уставился на брата Кирилл.

– Ты должен кое-с кем познакомиться, – проигнорировал его вопрос Марк и, повернувшись к выходу, прокричал: – заходите!

Послышались шаги. В пещеру медленно вошли несколько воинов. Один из них подошел к пленнику и присел на корточки, ещё двое остановились у входа.

– Привет, – осклабился первый. – Узнаёшь?

Кирилл напряжённо вглядывался в лицо незнакомца. Тот, прищурившись, нахально осмотрел его руки, тело, ноги, насмешливо уставился прямо в глаза. Свет факела отражался

от его лишённого волос черепа.

– Нет, – наконец ответил парень.

– Нет! – хрюкнув от смеха, передразнил его лысый и повернулся к стоящим у входа в пещеру. – Слыхали?

В этот момент Кирилл увидел на груди у незнакомца розовую полоску заживающего шрама. Лысый поднялся, отступил в сторону.

– Подойдите-ка ближе, парни.

Первым подошёл высокий бородач.

– И теперь не узнаёшь? – хмыкнул лысый.

Кирилл молчал, уставившись на ключицу бородачого. Там красовалась практически зажившая, но, несомненно, свежая рана. Такая же, как и та, что он сам недавно нанёс одному из монстров на арене. Марк выдернул из стены факел и поднял его повыше, освещая третьего воина, мрачно стоящего, прислонившись к стене.

Кирилл выдохнул, чувствуя, как его челюсть беспомощно отвисла: третий воин был одноглазым.

– Вы эти те самые... быки?

– Ты чё сказал, сука?! – вдруг взревел бородач и ринулся к Кириллу, но лысый удержал его, обхватив рукой за торс. – Ты кого быком назвал?!

– Успокоились все! – рявкнул Марк. – Вы здесь не за этим.

– Конечно-конечно, – лысый отпустил бородача и снова обернулся к Кириллу. – Ты на него не обижайся, малой, просто все эти превращения жутко действуют на нервы, вот он

и сам не свой, да, Бартэля?

– Бартэля? – глаза Кирилла едва не вылезли из орбит от изумления? – А ты, – он перевёл взгляд на лысого. Ну конечно – уши, изломанные как у борца, но когда-то они были просто оттопыренными, – Толик? Рыжий???

– Рыжий! – заржал воин, хлопнув себя по лысине. – Когда это было!

Бородач скривился, не выдержал, хрюкнул от смеха, а потом заржал в голос, поразительным образом не разжимая зубов, выдувая пузырьки слюны между дёсен. Лысый провёл ладонью по голому черепу, вытирая пот, и оглянулся на третьего воина, стоявшего рядом с Марком, прислонившись к стене плечом. Невысокого роста, смуглый и коренастый, тот веселья не разделял, мрачно буравя Кирилла взглядом единственного глаза, под которым красовался тёмный кровоподтёк – след от удара наверху меча.

Синий. Предводитель банды малолетних хулиганов, терроризировавших малолеток во дворе его дома в Полоцке. Его главный мучитель, спровоцировавший роковую драку за гаражами, едва не стоившую Кириллу жизни. Ту самую драку, из-за которой всё и началось. Кирилл даже никогда не знал его настоящего имени. Просто Синий. Как кровоподтёк под его единственным глазом. Глазом, сверлящим лежащего на земле парня лютой ненавистью.

– Хватит ржать, – прорычал Синий.

Лысый с бородачом тут же успокоились и насупились.

– Кузнец, мы сделаем наконец то, за чем пришли? – одноглазый сплюнул на пол коричневым.

Марк передал факел Бартэле и, подойдя к Кириллу, присел на корточки.

Я видел твою силу, Кирилл, – проговорил он. – Все видели. Эта сила привела тебя сюда. Она помогла тебе исцелиться, – он сжал челюсти и на щеках вздулись угловатые желваки. – Она же поможет нам победить.

– Победить? Сила? Марк, какого чёрта ты говоришь обо мне как о каком-то допинге? Как о какой-то стихии?! Если тебе нужна моя помощь – я готов! Только...

– Что «только»?! – резко перебил Кузнец. – Только сначала ты отправишься на поиски своей девки? А потом разыщешь тех, кто забросил вас с ней сюда? А потом отправишь её обратно?! У меня нет времени ждать это твоё потом. Сюда движется легион Псов, и я намерен дать им бой!

– Марк, но я должен найти её! Она совершенно ни при чём и попала в этот кошмар только из-за меня. К тому же она девушка, а это многое меняет! Да, я должен найти её, но потом, я даю тебе слово...

– Мне не нужны слова, дьявол тебя побери! Мне нужны дела. А ещё твоя сила, умноженная... – он протянул руку и одноглазый сунул ему в ладонь глиняный пузырёк, – ... на это!

Кузнец выдрал пробку и, отбросив её в сторону, вытряхнул на ладонь тёмный сгусток. Кирилл ахнул и отпрянул на-

зад, гремя цепями. Сгусток ожил, растёкся по ладони Марка, тут же собрался обратно в шарик, словно ртуть.

– Они называли это Слизью Хириушара, – Кузнец поднёс ладонь к лицу, замороженно глядя на пляшущий комок. – Они кормили нас маленькими кусками этой слизи перед тем, как пустить кровь. И некоторые из нас умирали. Некоторые сходили с ума от боли.

Кирилл лихорадочно огляделся по сторонам. Лысый с бо-родачом медленно приближались к нему, так же заморожён-но глядя на ладонь Кузнеца. На мгновение Кириллу показало-сь, что в тёмном углу пещеры шевельнулась какая-то про-зрачная тень.

– Ну же, кузнец! – прорычал одноглазый.

– Но некоторые, – не слушая его, продолжал Марк, – неко-торые становились сильнее! Открой рот, Кирилл! – прика-зал он.

Кирилл яростно замотал головой, сжав губы.

– Не сопротивляйся, так надо, поверь. Мы все прошли че-рез это!

– Нет!

– Да! Ты сделаешь это. И больше ты не упадёшь в обмо-рок в битве, обещаю! А потом, после нашей победы, можешь идти куда захочешь! Если... захочешь.

– Марк, ты спятил! – заорал Кирилл. – Я не буду это глотать! Я видел, в каких монстров превращаются люди из-за этого. Ты не сделаешь этого со мной, я же твой брат!

– Брат... Теперь у меня много братьев, Кирилл, – уголки губ Марка скорбно опустились. – Прости, но мне больше не нужен брат. Мне нужен монстр!

Лысый бросился на землю, прижав ноги Кирилла к камням. Бартэля запрыгнул ему за голову, уселся на земле, зажав его голову между ног, одновременно прижимая к полу руки. Синий в два прыжка оказался рядом и, схватив Кирилла за подбородок, оттянул его вниз, разжимая зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.